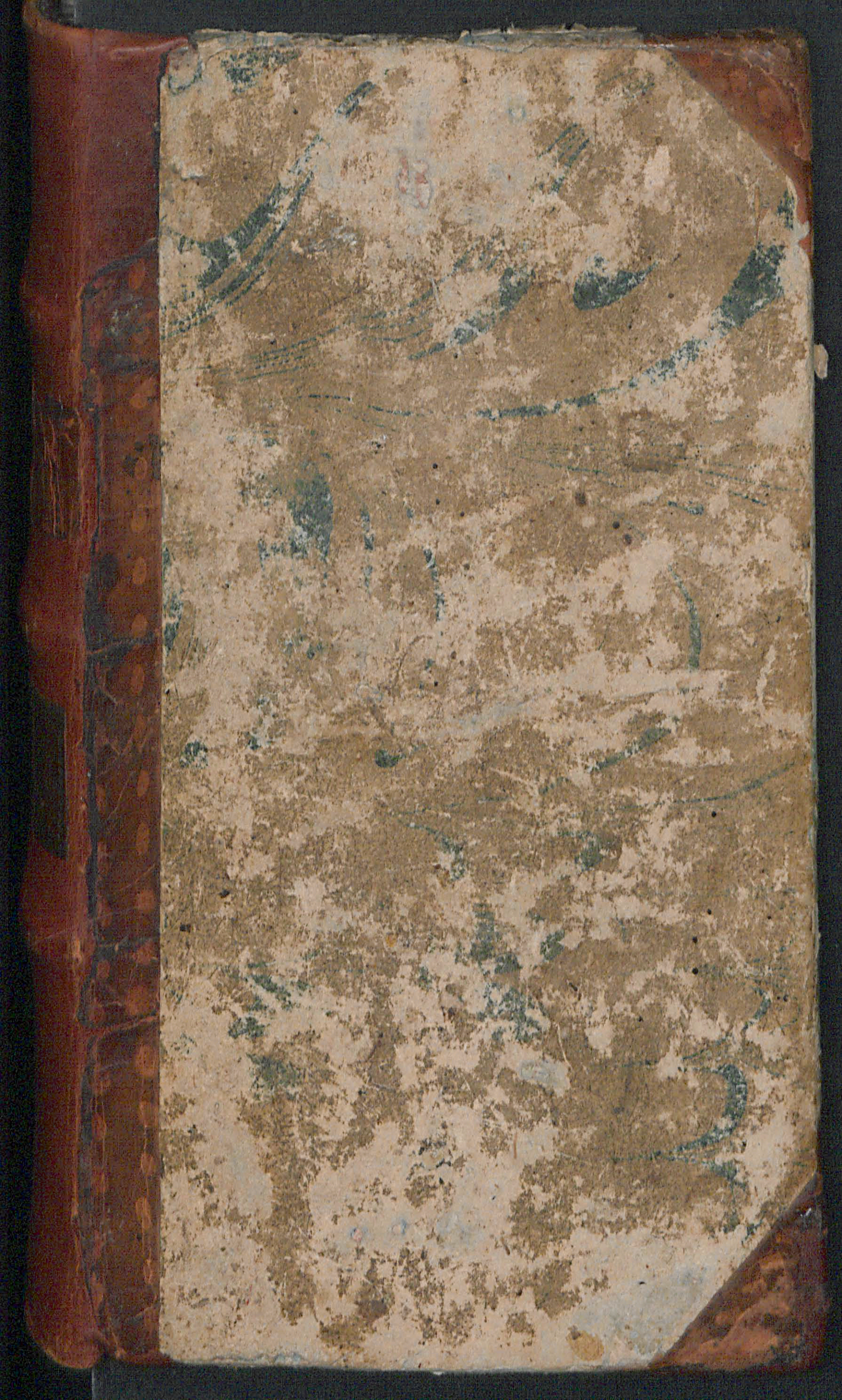

Фок, Марианн Аньес де

21

Лабиринтъ

Изъ библиотеки

Анненкова

№ 461.

3 части.

изъ библиотеки

Іюня 6: дня

ва

дана л 47 110/55 110/55 л 7 дана

№ 62 л: № 62 лл

Всего 3 книги.

ищи. АП.

ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ ЛАВИРИНѲЪ.
ПОВѢСТЬ ВОСТОЧНАЯ.

ЧАСТЬ I.

переведена
ВАСИЛЬЕМЪ ЛЕВШИНЫМЪ.

ВЪ МОСКВѢ
ВЪ Университетской Типографіи.
1779 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Везири или Очарованный Лавиринѳъ, и не нашелъ въ ней ничего противнаго настановленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная ко удовольствію любителей и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

Антонъ Барсовъ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ДЕНИСУ

ИВАНОВИЧУ

ЧИЧЕРИНУ,

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ

ВСЕРОССІЙСКОЙ,

отъ арміи

ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУТЧИКУ,

Лейбгвардіи

ПРЕМІЕРЪ-МАІОРУ,

ТОБОЛЬСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

и Орденовъ

Святаго Александра Невскаго

и Святыя Анны

КАВАЛЕРУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

Усерднѣйшее приношеніе.

Милостивый Государь

Древнее обыкновеніе посвящать труды свои знаменитымъ особамъ каждаго времени, не было единымъ предлогомъ смѣлости, кою взялъ я въ приписаніи труда моего Вашему Превосходительству: лучшее намѣреніе управляло желаніемъ пріобрѣсть оному въ Васъ, Милостивый Государь, покровителя; извѣстныя добродѣтели Ваши были сему основаніемъ. И кому бы удобнѣе возмогъ я поднести чувства человѣколюбія, великодушія и рѣдкихъ свойствъ, начертанныя въ сей повѣсти въ особѣ Сагеба, кромѣ имѣющаго его душу? Пріимите, Милостивый Государь, нелестное признаніе отъ

человѣка Васъ незнающаго, какъ только по одной славѣ Вашей и дѣяніямъ, и удостойте сіе приношеніе Вашего благоволенія, равно и пребывающаго съ покорнымъ почтеніемъ,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

нижайшаго слугу

ВАСИЛЬЯ ЛЕВШИНА.

Августа 13 дня, 1776 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Написать романъ или повѣсть, обыкновенно считаютъ за толь легкую и малую вещь, что многіе читатели удивятся, видя предисловіе при семъ сочиненіи.

Угрюмый и важный разсуждатель вершитъ ее по одному прозванію. Занимать себя случаями силы вообразительной, разумѣется у него злоупотребленіе разума. Напротивъ читатели веселаго и живѣйшаго нрава, развернутъ ее желательно, и опредѣлятъ о ней по препровожденію времени, каковое она имъ доставитъ, мало заботясь о намѣреніи и исполненіи.

Обоимъ родамъ судителей должна я отвѣтствовать. Потому нужно предисловіе, чтобы предварить ихъ возраженія.

Одни идутъ далеко, естьли презираютъ съ лишкомъ случаи силы вообразительной, и изключаютъ ихъ совсѣмъ отъ употребленія разума. Ибо обѣ душевныя силы толь точ-

но между собою связаны, что лица безъ силы опредѣляющей будутъ странны и неправильно мѣрны, и сила опредѣляющая безъ лицъ имѣтъ предѣлы очень тѣсныя.

Когда же напротивъ критики втораго степени цѣнятъ дорогія камни только по добротѣ металла, въ коемъ оныя обдѣланы, и все не превоучающее себя выдуманными прикрасами, считаютъ за игрушку, тѣмъ совѣтую я искать въ иномъ мѣстѣ времени превровожденія. Здѣсь нѣтъ вещи по ихъ вкусу.

Только тѣ, у коихъ здравый разумъ съ добрымъ сердцемъ соединенъ щастливо могутъ разрѣшить, коль далеко я сіе говорить могу, понеже они имѣютъ право опредѣлять истинную цѣну дѣяній разума; и, можетъ быть, дозволятъ мнѣ похвалиться, что миновала я камень, на которомъ романо и сказко-писатели часто терпятъ кораблекрушеніе.

Иные довольствуются только, собирая въ кучу многія блестящія лица, невѣроятныя приключенія, волшебства и чудеса и скрываютъ намѣреніе свое, естьли только оное имѣ-

имѣютъ, въ надменіи слогѣ. Сочинители таковыхъ трудовъ достойны сожалѣнія. Вредъ, производимый ими, можно изчислить по цѣнѣ, доставшейся на рядъ вѣка нашего.

Другіе имѣютъ лишъ намѣреніе посвятить читателей своихъ опаснымъ таинствамъ страстей. Противу сихъ должно насъ одно помышленіе о ихъ ядовитыхъ сочиненіяхъ, при маломъ примѣчаніи на прелестную общелюбную добродѣтель, на всеобщую нужду законовъ и щастіе человѣческаго рода, наполнять отвращеніемъ.

Но есть погрѣшности, въ кои и разумные писатели при лучшихъ намѣреніяхъ не рѣдко впадаютъ; и коихъ я со времени, какъ открылись оныя мнѣ благовременнымъ опытомъ, миновать искала.

Духъ юношества наиболѣе занимается удивительнымъ, и не можетъ въ настоящихъ историческихъ истиннахъ найти вкуса. Я читала романы Калпрендовы и Скудеріевы, по коль могла принудить себя развернуть Курція или Ливія, а прелести выдумокъ такъ овладѣли силою моего

пображенія, что я сихъ историковъ на каждой строкѣ обвиняла, что они представили Ироевъ своихъ съ стороны ложной, и такъ какъ желали, ихъ собственныя склонности. Курція считала я дерскимъ варваромъ, слѣпо повергавшимъ Александра въ толь многія опасности, для снисканія чести завоеваніемъ всего свѣта; когда я увѣрена была, что непреодолимая власть любви принудила его къ тѣмъ опаснымъ подвигамъ. Я чудилась суровой жестокости Ливіевой, что могъ онъ смирнаго и щеголеватаго Брута обратить въ строгаго Стоика и бѣснующагося Патріота.

Много потребно было лѣтъ, уговорить мнѣ себя, опровергнуть заключеніе мое, и усмотрѣть, что Романо-писателю, черпающему изъ источника историческихъ истиннъ, не позволительно подлинники свои обезображивать, и налагать на нихъ краски по собственнымъ мыслямъ; ибо право сіе только тѣхъ, которые сами доставляютъ своихъ Ироевъ, и слѣдственно по благоизобрѣтенію своему поступать могутъ.

Естьлиж по подобію повѣсте-писателей дозволить себѣ вольность, то не должно оную злоупотреблять, а особливо в несправедливом представленіи характиров. Должно с чрез естественными существами обходиться очень бережно; и не всегда брать к ним прибѣжище, ко изведенію Ироев своих, или лучше сказать, самаго себя из всяких опасностей: ибо впрочем учинишь суетным Моралическое намѣреніе труда своего; здѣлаешь добродѣтель трусливаго, извинишь пороки, и обвѣсишь разум в снѣ.

Человѣческій дух от природы склонен присвоять управленіе невидимым силам, и не требует дальняго допуска, вѣрить мечтам и выдумкам, доколь разумом возведен будет на путь истинны. Чрез то может произойти, что юношество несумнѣвающееся о бытіи волшебниц и духов охранительных, в темных случаях обѣщевает себѣ их благосклонность, и повергается в опасность, которыя при малѣйшем разсужденіи миновать бы могло: оно ожидает чрез

естественныхъ дарованій, вмѣсто самоснисканія добрыхъ свойствъ, и наклоненіе къ заблужденію и неосторожности остается въ сердцахъ ихъ и тогда, какъ пройдутъ лѣта легковѣрія.

Тѣ, коихъ опредѣлительная сила пришла въ созрѣніе, хотя свободны отъ таковыхъ опасностей, но не имѣютъ выгодъ отъ сихъ писаній: для того что не могутъ добрымъ или злымъ дѣйствіямъ, происходящимъ отъ вольныхъ склонностей, цѣны налагать, и не тщатся тайныя мысли сочинителя выискивать изъ среды сплетенія ненатуральныхъ выдумокъ.

Таковыя разсужденія подвигли меня, предлагаемый трудъ основать на истиннѣ, и воздвигнуть въ пространствѣ правдоподобія. Ибо когда гдѣ либо и дала ему подобіе чудеснаго, но разрѣшила то въ послѣдствіе, и доказала, что, когда толь много не сообразнаго насаждается въ потомство, есть погрѣшность тѣхъ, которые естественныя случаи пріемлютъ въ ложномъ свѣтѣ.

Ха-

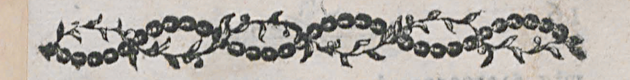
Характиры припеденныхъ особъ удержала я такъ, какъ предстаплены оныя у Персидскихъ писателей, по Дербелотопой восточной Випліоѳикѣ. Обычаи сихъ раннихъ пременъ были удобнѣе къ намѣренію моему, употребляемыхъ нынѣ Азіатскими народами; тогда еще не были женщины изгнанны изъ челопѣческаго общестпа, какъ послѣдопало, когда Магомедъ ппелъ многоженстпо, подалъ поподъ къ Сералямъ и репнипости, и тѣмъ доказалъ, что умноженіе сокропищъ неупотребляемыхъ, только заботу и скупость произподитъ.

Чрезъ Локмана и Зороастра, которымъ посточныя переподы пъ сіе премя мѣсто опредѣляютъ, хотѣла я пыполнить дѣйстпія добрыхъ и злыхъ духопъ, не ппадая пъ пышеозначенныя погрѣшности. Премудрый и милостипый, ученый и злобный, могутъ очень удобно наполнить мѣста оныхъ существъ неимѣя толь тиранскихъ пліяній на челопѣка, чрезъ что псякая заслуга отпадаетъ.

Злый Везирь Гіамасбъ жилъ дѣйстпительно; дурныя дѣйстпія его

дѣла вышшія. —— Слогъ и преизящныя свойства его совсѣмъ моего изобрѣтенія. Въ семъ я не запираюсь; но не хочу надѣяться, чтобъ добраго Везиря могли почесть неподобнѣйшею правдѣ частію сей повѣсти.

Я испрашиваю склоннаго пропущенія читателева въ мѣстахъ, гдѣ удалилась я отъ порядка нарѣчія: да благоволитъ онъ припомнить, что восточный слогъ, коему я подражать должна, не можетъ состоять безъ непрестанныхъ уподобленій и Аллегорій.

ВЕЗИРИ или ОЧАРОВАННЫЙ ЛАВИРИНѲЪ.

Логоразвъ (*), Царь Персидскій, который по сложеніи короны прозванъ Царскимъ пустынникомъ, описывается отъ Персидскихъ повѣствователей отмѣнно добрымъ Монархомъ, коему небо величайшія

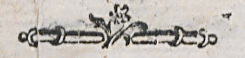
(*) Логоразвъ былъ четвертый Царь Каяніанскаго отродія, считаемаго второю Династіею Персидской Монархіи. Европейцамъ кажется онъ мало свѣдомъ; что должно приписать миролюбивымъ его расположеніямъ и кроткой жизни, кою провождалъ онъ въ Восточной части неизмѣримаго своего государства.
Сіе и послѣдующее взято изъ д'Ербелота, и объясненій поставленныхъ по введеніи въ повѣсть Шаха Надира, и включено здѣсь для читателей, коимъ Персидскія писатели неизвѣстны.

шія благословенія низпослало. Царствованіе его было последство благополучій. МирЪ разпростерЪ крылѣ свои надЪ всѣмЪ пространствомЪ его владѣнія; подданные любили его и боялись; и сЪ супругою своею, коя столько же была добродѣтельна, какЪ и прекрасна, родилЪ онЪ двухЪ сыновЪ, составлявшихЪ честь своихЪ времянЪ и гордость дней его.

Оба Царевичи сіи, ТистаспЪ и ЦерирЪ называвшіеся, природою обогащены были лучшими дарованіями, и воспитаніемЪ достигли высочайшихЪ совершенствЪ. Они казались при дворѣ ГератскомЪ, яко возшедшія щастливыя созвездія Азіи. Однако юныя сердца ихЪ на верьху величества своего, и посреди текущихЪ удовольствЪ, угнѣтались тяжкою рукою сокрытой скорьби. Долго время оныя не свѣдомо было, кромѣ взаимнаго дружества; но напослѣдокЪ открыли его проницательныя очи матерьней любви.

ВЪ одинЪ день, когда ТистаспЪ и ЦерирЪ гуляли вЪ саду ЦарицынымЪ, вошла сія нѣжная мать вЪ бесѣдку, вЪ которую ушли они, сѣла близь ихЪ, и сЪ сожалительными взорами сострадания, говорила сынамЪ своимЪ слѣдующее: Мнѣ довольно извѣстна причина грусти вашей,

лю-

любезныя дѣти —— Нѣжныя сердца ваши чувствуютъ предпочтеніе, отдаемое отцемъ вашимъ Тіамаспу и Кобаду, тѣмъ больше, что заслуги сихъ Принцовъ въ сравненіи съ совершенствами вашими, какъ тѣнь въ сравненіи съ свѣтомъ. Однакожъ сіе вамъ не естественнымъ кажущееся пристрастіе заслуживаетъ ваше почтеніе; ибо оное основано на благопристойности.

По унынію вашему примѣчаю я, что до днесь слушали вы звонъ ласкательствъ, нынѣжъ время вамъ послушать гласа истинны. —— Внимайте, я вразумлю васъ.

Царство Персидское было бы въ рукахъ вашихъ двоюродныхъ братьевъ, естьли бы шло по праву наслѣдства, и право Царя не утверждалось въ собственномъ разумѣ на выборѣ народа; ибо сіе возвело Логоразва на престолъ по смерти брата его. Умирающій Кайхозру (*) освященный въ приближеніи своемъ къ вѣчному царству, предузрѣлъ возвышеніе Логоразва, и просилъ его имѣть къ дѣтямъ своимъ отеческую любовь, дабы замѣнить тѣмъ потерю Имперіи.

(*) *Кайхозру, есть по святомъ писаніи и по Греческой повѣсти тотъ извѣстный Киръ великій.*

Сіе основаніе склонности, оказываемой Царемъ Тіамаспу и Кобаду; за тѣмъ что не взирающій на предѣлы, каждаго добродѣтели предписываемые, можетъ удобно введенъ быть въ заблужденіе. Между тѣмъ уподобляется таковое заблужденіе только малому облачку на ясномъ небѣ, и вы имѣете болѣе причины радоваться о величіи отца вашего, чѣмъ скорбѣть о единой погрѣшности онаго, коя по щастію только на однихъ васъ упадаетъ. Но понеже бодрствіе ваше еще слабо для предпріятія сего, то послѣдуйте хотя совѣту, который желаю я сообщить вамъ по вліянію неба.

Возмите жезлъ твердаго вознамѣренія, и направте стопы къ очарованному Лавиринѳу, воздвигнутому духами хранителями по желанію славнаго Локмана (*). Вы обрѣтете тамъ возвышеннаго му-

(*) *Локманъ съ Езопомъ, Пильпаемъ и почти со всѣми мудрыми и праведными мужами нѣкіихъ вѣковъ, кои онъ по преданіямъ, чуднымъ препротелъ образомъ, смѣшонъ. Ему отъ Персовъ прилагается сновидѣніе, равное тому, какое имѣлъ Соломонъ, и думаютъ они, что пріобрѣлъ онъ славу и величество, предавъ себя премудрости. Утвержда-*

мудреца, коему Всемогущій подалъ премудрость, почитаемую отъ самихъ безплотныхъ, и силу, коей природа повинуется. Удостойтеся его покровительства, и онъ отъимешъ изъ дней вашихъ сосудъ горести, или смѣситъ оныя съ сладостію своего благоволенія и своихъ наставленій.

Между тѣмъ отсутствіе ваше возпламенитъ опять любовь родительскую: —— Когда ваша собственная правота покроется пепломъ равнодушія, тогда паръ боязненнаго попеченія о благѣ вашемъ, скоро возгорится. Сокройте намѣреніе пути вашего; не нужны вамъ провожатели; нѣжное соединеніе и добродѣтель ваша есть крѣпчайщая и лучщая стража. Я одна предостанусь стрѣламъ сѣтованія, но я отражу ихъ мыслями будущаго вашего благоденствія.

Воображеніе знающихъ только свое отечество, замыкается въ самой узкой сферѣ, но тѣ, коихъ понятія прости-

 ра-

ютъ же они, что имѣлъ онъ близкое обхожденіе съ духами хранителями, коихъ считали за средній родъ между божествомъ и человѣкомъ, и была у нихъ общая пословица: кто осмѣлится наставлять Локмана?

раются чрезъ четыре части сего обширнаго пространства міра, собираютъ познанія, разумъ ихъ возвышающія и въ совершенство приводящія. Не путешествовавшій уподобляется алмазу необдѣланному, только вышедшему изъ недръ земли, который хотя имѣетъ внутреннее сіяніе, но не привлекаетъ, и чуждое ему обдѣланіе производитъ блескъ его.

Принцы исполненны почтенія принесли благодарность Царицѣ, приняли отъ ней нѣжное благословеніе, и возвратясь въ чертоги, приготовлялись къ отъѣзду. По утру снабдили себя камнями величайшей цѣны, сѣли на преизрядныхъ коней и оставили городъ Гератъ (*).

Путь ихъ былъ щастливъ. Ясное обращеніе дружества прогоняетъ облаки скуки, равно умѣренному весеннему солнцу. Различность мѣстоположеній и предметовъ, былъ имъ неизчерпаемый источникъ къ разсужденіямъ. Разность ихъ мнѣній подавала основаніе къ пріятному жару, однакожъ чистосердечная склонность

(*) *Гератъ называется у Грековъ Аріи, и провинція Хоразанъ, въ коемъ онъ столичный городъ нарицается у нихъ Бактріаною.*

ность ихъ удерживала пламень спора въ надлежащихъ предѣлахъ.

Когда Гистаспъ и Цериръ приближились къ прелестнымъ мѣстамъ Iемена (*), въ коихъ обиталъ Локманъ, напала на нихъ жестокая буря, и въ наставшую за тѣмъ ночь сбились они съ пути въ темнотѣ. Гистаспъ отяготѣвшiй усталостiю, хотѣлъ дождаться дня, но прозьбы нетерпѣливаго Церера, склонили его продолжать шествiе.

Вскорѣ вспали они на толь ускiй проѣздъ, что принуждены были съ коней сойтить; они поручили вѣрныхъ возниковъ своихъ провидѣнiю, и не взирая на свистъ змей, вой Тiеннъ, и удары трясущейся земли, шли не ужасаемо, утѣшая и ободряя себя взаимно гласомъ склонности и помогающей рукою нѣжныя заботы.

Молодые Царевичи отвратя препоны труднаго пути, увидѣли напослѣдокъ свѣтъ, приведши ихъ къ огромному Каравансараю (**), освѣщенному тысячью фа-

 ке-

(*) *Iемень та часть Арапiи, кою мы называемъ щастливою.*

(**) *Не многимъ читателямъ не свѣдомо, что Каравансарай есть открытая гостинница, гдѣ путешествующiе угощаются безъ платы.*

келовъ, и у коего на передней стѣнѣ читали они надпись: Ни усталость, ни опасности не бываютъ не побѣдимы любви братней.

Тистаспъ и Цериръ очень удивились словамъ, толь съ состояніемъ ихъ согласующимся, не меньше и ободрились оными, и безъ размышленія постучались въ дверь, кою имъ тотчасъ отворили.

Они приняты разными невольниками обоихъ половъ, и приведены къ мужу величественнаго вида, который привѣтствовалъ ихъ слѣдующимъ:

Царевичи! вы возпріемлемы въ домѣ посвященномъ подвигамъ и бодрствованію, и который есть прибѣжище, оказавшимъ опыты сихъ добродѣтелей.

Естьли бы вы до разсвѣта остались въ лѣсахъ, то въ сей боязливой нерѣшимости больше бы претерпѣли зла, чѣмъ отъ затрудненій васъ окружавшихъ, кои вы побѣдили, вы получите не токмо упокоеніе доставляемое вамъ симъ домомъ, но и наставленіе, чрезъ кое вамъ опытъ Лавринеа можетъ быть полезенъ. Но какъ между тѣмъ природа человѣческая имѣетъ нужду по трудахъ въ покоѣ, то шествуйте къ мѣсту, гдѣ приготовлены для васъ прохлажденія. Я ме-

между тѣмъ поговорю съ Принцессою, коя превозмогла слабости своего пола, и не меньше васъ оказала себя мужественною.

Послѣднія слова возбудили любопытство Церирово; онъ не хотѣлъ пропустить случая оное удовольствовать. Гистаспъ примѣтилъ въ очахъ его неодуманную прозьбу, которая была ужѐ на устахъ его, и взявъ руку его, велѣлъ вести себя въ назначенную комнату.

Чрезъ два часа возвратились они къ своему ласковому хозяину. Сей посадилъ ихъ близъ себя на софу, и говорилъ слѣдующее:

Знайте Царевичи, что вы при восхожденіи солнца явитесь предъ Локмана. Вѣдайте при томъ, что тогда откроется Лавиринѳъ къ ежегодному опыту тѣхъ, кои приходятъ вопрошать мудраго о совѣтѣ, и прежде, нежели дозволится имъ входъ, требуетъ онъ отъ нихъ точнаго свѣденія о жизни ихъ и намѣреніяхъ.

Потому имѣю я причину васъ испытать, не находится ли въ васъ чего нибудь чистосердечію сему препятствующаго. Чрезъ опытъ Лавиринѳа и малѣйшая ложь открывается, и бываетъ явнымъ стыдомъ наказуема. Невѣдущіе

о семъ, неразсуждавшіе, что мракъ обмана не дерзаетъ приближаться пронзающимъ лучамъ прозорливости, и ищущіе за тѣмъ провести мудраго, предаютъ себя сами.

Сей возвышенный между всѣми смертными ко отвращенію злыхъ слѣдствъ пренебрегаемаго добра, зделалъ чудное таковое учрежденіе: ибо хотя окруженъ онъ тьмами небесныхъ духовъ, но не всегда имѣетъ дарованіе, познавать сокровенныя сердца; власть всевѣдущая сообщаетъ даръ сей чистѣйшимъ тварямъ своимъ, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Впрочемъ представляетъ иногда достигать того самимъ щастливыми опытами.

Когда по сему языкъ вашъ будетъ управляемъ истинною, возрадуетеся вы, возвращаясь изъ Лавиринѳа, неся подтвержденіе словъ вашихъ, и пріобрѣтя покровительство премудраго. Употребите совѣтъ сей, заслуженный мужествомъ вашимъ на пути сюда ведущемъ въ пользу, и будьте примѣчательны къ наставленію сообщаемому всѣмъ допускаемымъ на опытъ.

Лавиринѳъ состоитъ изъ толикаго числа дорогъ и закоулковъ, сколько цвѣтовъ, для сего намѣренія назначенныхъ, и

каждая дорога по обѣимъ сторонамъ осажена цвѣтами одинакаго рода. При входѣ во оный подадутъ вамъ по корзинѣ изъ сплавленныхъ металловъ съ Іероглифическимъ знакомъ на крышкѣ. Въ сіи корзины слѣдуетъ вамъ класть цвѣты, кои имѣете вы рвать симъ порядкомъ.

Входя на дорогу, должно вамъ сорвать цвѣтокъ на правой сторонѣ и положить въ корзину, впрочемъ вы никогда не найдете выхода. Иногда одного цвѣтка бываетъ недостаточно, для выступленія назадъ; и когда потому усмотрите, что опять зашли въ глухія закоулки, слѣдуетъ вамъ сорвать цвѣтокъ на лѣвой сторонѣ, и въ то мгновеніе, какъ выдете на другую дорогу, слѣдуетъ вамъ наблюдать тоже предписаніе, и продолжать, доколь достигнете сѣни посвященной правдѣ.

Прекрасные юноши, хранители святаго мѣста сего, возьмутъ отъ васъ корзины, и оставятъ васъ ходить въ семъ соборѣ восхищеній, поколь опыты кончатся, и всѣ, надъ коими оныя произведены, соберутся.

За тѣмъ нѣтъ уже болѣе затрудненій. —— Вы выдете изъ Лавиринѳа путемъ состоящимъ изъ высокихъ древесъ

и украшеннымъ множествомъ истукановъ. Истуканы сіи представляютъ особъ, бывшихъ до того въ Лавиринѳѣ, и прославившихся своими добродѣтельми, или коихъ жизнь представила роду человѣческому важныя ученія.

Премудрый Локманъ пріиметъ и разкроетъ корзины ваши, и по находящимся въ оныхъ цвѣтамъ увѣдаетъ ваше предопредѣленіе. Что лежитъ до таинствъ Лавиринѳа, то не позволено мнѣ вамъ открывать о томъ; благодѣтельный мудрецъ оказываетъ благосклонность сію, только по разсмотрѣнію его оную заслуживающимъ.

Намъ должно какъ въ семъ, равно и къ иныхъ случаяхъ подвергаться его волѣ, сказалъ Церирь, но осмѣливаюсь спросить, объявите мнѣ, будетъ ли Принцесса, о которой вы упомянули, въ сѣни правды.

Кто ищетъ щастія на единомъ истинномъ пути, на пути добродѣтелей, отвѣчалъ почтенный старецъ, тотъ долженствуетъ противиться перьвому нападенію безпокойныхъ страстей.

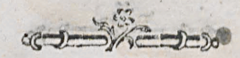
Отъ сего справедливаго выговора лице Церирово покрылось краскою стыда; но вдругъ звукъ барабановъ и трубъ воз-

вѣстилъ открытіе Лавиринѳа, по чему спѣшилъ онъ съ братомъ своимъ въ палаты Локмановы.

Мудрецъ принялъ обоихъ Принцовъ дружественно: ибо невинность жизни ихъ оказывалась въ ясности лицъ и простотѣ словъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ не знали они еще силы страстей, и сила сія одна только, коя во первыхъ совлекаетъ человѣка съ стези правоты, и за тѣмъ отъ пути добродѣтелей; и такъ по елику страсти въ юныхъ сердцахъ ихъ не дошли еще зрѣлости, то нарвали они въ дорогахъ Лавиринѳа одни только не развернувшихся цвѣтовъ головки.

Различныя красоты сего воображающагося мѣста, не совсѣмъ привлекали къ себѣ мысли Цѣрировы; поспѣшно приближался онъ сѣни правды, ласкаяся, найтить тамъ Принцессу, возжегшую въ мысляхъ его огонь любопытства, но вкусилъ только отчасти удовольствіе себѣ обѣщаемое. Величественный и щедрый видъ, непринужденная походка и прекрасная рука, были одни прелести, коимъ онъ въ сей Принцессѣ удивляться могъ. Лице ея закрыто было покрываломъ, вышитымъ серебромъ по шелковому, котораго блескъ ослѣплялъ глаза на нее взирающихъ

На-

Написанное на корзинѣ ея имя Перизада (*) могло дополнить, сокрытое въ лицѣ, естьли бы ласкательство, коимъ обыкновенно окружаютъ знатныхъ, не дѣлало сумнительнымъ свидѣтельство о красотѣ ея. Но разсужденіе таковое не входило и въ мысль Цериру; онъ вѣрилъ слѣпо своимъ желаніямъ, и сердце его билось отъ пріятныхъ ожиданіи.

Когда сила воображенія по часту сильна бываетъ, доставить прелести предметамъ, кои совсѣмъ оныхъ не имѣютъ; коль должно возрасти ихъ крѣпости, когда прелестей сихъ дѣйствительно ожидать можно. Церирь употребилъ живѣйшую его кисть, къ написанію для духа своего совершеннѣйшей красоты. Но какъ скоропостижная и пламенная любовь принца основывалась не на однихъ мечтательныхъ представленіяхъ; то открылъ онъ въ ней и совершенства разума, которыя утверждаютъ любовь не на толь зыблемомъ основаніи; и прежде оставленія Лавиринта, былъ онъ снабженъ всѣми извиненіями, каковыхъ только желаетъ жестокая страсть.

Хо-

(*) Отъ Перисъ, прелестнаго пола добрыхъ духовъ хранителей.

Хотя Локманъ посвятилъ себя уединенію и премудрости, и презиралъ богатство, но думалъ быть обязаннымъ, обращать часть жизни своей къ добру человѣческаго рода, показывая великолѣпіе свое, чтобы привлечь глаза̀ многаго народа, умножить ихъ удивленіе и привлечь чрезъ то сердца̀ ихъ.

Онъ сидѣлъ на золотомъ украшенномъ множествомъ дорогихъ камней престолѣ; одежда его была бѣла, какъ чистѣйшій снѣгъ, и въ почтенномъ лицѣ его, щастливо соединялись величество и милость. Тысяча юношей, коихъ Персидскіе писатели признаютъ за столько охранительныхъ духовъ, окружали его; летающія ризы ихъ имѣли смѣшенныя цвѣты радуги, лица ихъ были полные мѣсяцы, и взвѣвающіяся локоны волосъ испускали избраннѣйшія ароматы Аравіи.

При открытіи премудрымъ корзинъ, Церинъ съ немалымъ удивленіемъ примѣтилъ, что цвѣты, кои онъ сорвалъ въ пучкахъ, совсѣмъ разцвѣли. Онъ устремилъ тотъ часъ боязненный взоръ на корзину Перизадину, и искалъ по Симпатіи ея вкуса, или равнообразія судьбы ея извлечь благосклонное себѣ предзнаменованіе. Успокоеніе его было чрезмѣрно, когда

увн-

увидѣлъ, что большая часть нарванныхъ ею цвѣтовъ были тогожъ рода, какъ и его, но оно взошло бы гораздо далѣе, естьли бы свѣдома ему была тайна ея открытія.

Локманъ испыталъ корзины, и какъ ему роды, краски и видъ разныхъ цвѣтовъ, подали нужное свѣденіе, то обратился онъ къ Цериру и Гистаспу, и сказалъ имъ: Принцы, нѣжный возрастъ вашъ большую часть совѣтовъ, кои я вамъ подать могу, учинитъ недѣйствительными: извѣданіе есть истинный водитель человѣка; а разумъ только нроводникъ его. Искусный садовникъ не обрѣзываетъ ветвей деревъ своихъ, когда лишъ оныя отпрыскиваютъ; онъ ждетъ, пока они вліяніемъ погоды отпрыснутъ столько, какъ удобны будутъ ко украшенію сада принять способный видъ; и тогда пріемлетъ онъ пользу отъ своихъ насажденій. По сему довольно на сей разъ сказать вамъ въ наставленіе и предосторожность, что Цериръ не будетъ щастливъ, до коль овладѣетъ нужнымъ свойствомъ души, коего сѣмя можетъ быть лежитъ въ сердцѣ его скрытое; и Гистаспъ выдержитъ цѣпь противностей, до коль чрезъ нихъ научится, и познаетъ погрѣщ-

грѣшность, которой самолюбію налагаетъ хотя похожее, но ложное именованіе.

Принцесса Перизада не достигнетъ щастія заслуживаемаго преизрядствомъ ея нрава, по коль поправитъ излишество одной добродѣтели своей, коихъ она толь много въ себѣ имѣетъ.

Когда вы чрезъ нѣкоторыя добровольныя дѣянія, въ разсужденіи трехъ сихъ пунктовъ такъ себя окажете, какъ желаю я васъ видѣть, то щастіе дней вашихъ твердо постановится; увидимся мы опять въ сихъ палатахъ, и въ доказательство моей склонности объясню я вамъ чудеса оныхъ. Между тѣмъ дозволяется вамъ предложить желаніе, и естьли оно будетъ васъ и меня достойно, надѣюсь я, что будетъ услышано.

Отъ сихъ словъ пришелъ Цериръ во искушеніе, желать, чтобъ пріобрѣлъ онъ любовь Перизады; но тотчасъ одумался и закраснѣлся, помысля о униженіи, коему подвергаетъ себя человѣкъ ищущій чрезъестественной помощи, въ вещи на единыхъ заслугахъ утверждаемой. Какъ понятіе о нашихъ собственныхъ истинныхъ достоинствахъ часто приводитъ насъ къ лучшимъ заключеніямъ, то пожелалъ Цериръ, естьли Царь, родитель

его,

его, по долгой и щастливой жизни оставитъ ему бремя правленія, имѣть себѣ Везиря, одареннаго премудростію и добродѣтельми, въ коемъ бы онъ обнадеженъ былъ, посредствомъ сей благополучной помощи на любовь и повиновеніе своихъ подданныхъ, получить пристойное и нелестное право.

Гистаспъ, коего мысли не таковы были тонки, какъ братнины, желалъ себѣ соединенія съ Принцессою, толь же добродѣтельною, какъ и прекрасною, не имѣя затрудненія получить щастіе сіе послѣ безпокойныхъ ожиданій.

Желанія Паризады, кои предложила она съ робкимъ голосомъ скромности, относились къ тому, чтобы она предметъ полный заслугъ, могла любить со всею горячностію и постоянствомъ благороднаго и возвышеннаго сердца. Сіе великаго свойства мыслей премудрыхъ, толь соразмѣрное желаніе получило одобреніе; не меньше и хотѣнія обоихъ Царевичей не безъ благосклонности приняты.

По окончаніи опыта Лавиринѳа, пригласилъ Локманъ свѣтлѣйшихъ гостей своихъ къ великолѣпному и удивленія достойному позорищу. Тысяча юношей ожидающихъ его мгновенія, открыли имъ

всѣ

всѣ чудеса природы, всѣ таинства, художества и науки, кои неутомимая прилѣжность человѣковъ мало по малу изобрѣла.

Они показали имъ чудныя дѣйствія силы электрической, и свѣтлыя искры нынѣ толь вредной селитры. Вода производила звоны обитателей воздуха, и птицы голосъ человѣческій. Они прошли всѣ роды музыки, кои издавна приняты разными вкусами народовъ, соединили живое и пріятное, смѣлое и величественное, тихое и трогающее, и составили тѣмъ отмѣнно обворожающій концертъ. На театрѣ украшенномъ выборомъ и изрядствами, играли прекрасные юноши комедіи и трагедіи, и доказали въ обеихъ возможность, глубокаго познанія страстей и тонкихъ начертаній чувствованій соединять съ пріятными выдумками силы вообразительной.

Чудеса сіи, коими Гистаспъ занимался, не могли оковать примѣчанія Церирова, развѣ согласовались они съ упражненіями его фантазіи. Потѣшные огни казались ему тусклы противу чаемыхъ лучей закрытыхъ глазъ Перизадиныхъ; огонь чувствуемый имъ въ его жилахъ, при прикосновеніи къ ея платью, казал-

ся ему настоящимЪ огнемЪ электрическимЪ; голосЪ ея былЪ одно согласіе во ушахЪ его, и вЪ словахЪ ея замыкалося всякое совершенство и разумЪ. Иногда припоминалЪ онЪ себѣ конечно, что долженЪ онЪ Локману данію удивленія и похвалы, но сіе случалось тогда только, когда Принцесса удалялась, принять прохлажденія, чего за своимЪ покрываломЪ не могла дѣлать при всѣхЪ, и когда она возвращалась, тогда забывалЪ онЪ свѣтЪ и самаго себя.

Ужѐ была глубокая ночь, когда Царевичамъ отведена преизряднѣйшая опочивальня; тамЪ ЦерирЪ лежа на постелѣ, проходилЪ вЪ мысляхЪ посреди волнованія новозаченшейся любви своей, всѣ явленія, кои видѣлЪ онЪ и слышалЪ.

Во первыхЪ вспало ему Перизадино желаніе. АхЪ! говорилЪ онЪ, Принцесса моя, весь пламень любви моей видѣла изЪ глазЪ моихЪ, и она желаетЪ любить! Но безЪ сумнѣнія считаетЪ меня недостойнымЪ живѣйшей склонности, которую желаетЪ имѣть кЪ предмету сіе заслуживающему —— Но зачѣмЪ таковое мучительное воображеніе! Завистное ея покрывало хотя утаило божественные ея взоры, но нѣжная перемѣна голоса ея, при разгово-

рѣ

рѣ со мною, не есть ли благосклонное предзнаменованіе? Огонь ея съ пылающимъ въ сердцѣ моемъ пламенемъ, яко существо одинакаго рода соединялся; ни что, кромѣ врожденной осторожности полу ея, не дѣлаетъ щастія моего сумнительнымъ. Самая прозьба ея къ премудрому больше возвышаетъ надежду мою, чѣмъ подавляетъ. Истинный любовникъ не мыслитъ, что любитъ онъ довольно; сіе есть примѣтою жестокой любви его; и прелести удостоившіяся наименованія прекрасной души, заслуживаютъ, чтобы ихъ обожать.

Ласкательное представленіе не обманываетъ меня! Завтра узнáю я судьбу мою. Но ахъ! кто обнадежитъ меня, что утренній день облегчитъ мои печали? Во упоеніи моихъ чувствъ пробѣжалъ я всѣ будущія мои намѣренія. Увижу ли я сію свѣтлую звѣзду жизни моей? Достигну ли я утраченнаго случая, освѣдомиться, въ которомъ щастливомъ небоположеніи она сіяетъ? Да, сострадательный Локманъ будетъ мнѣ въ томъ помощію; милости его не оставятъ гостя своего отъѣхать въ отчаяніи.

Сія послѣдняя мысль возвратила покой въ душѣ влюбленнаго Царевича; сонъ

слѣдовалъ за сею пріятною предшественницею его услажденій; но хотя закрылись очи его, не могъ однако покорить онъ себѣ души своей, ибо сопутники ея, сномечтанія, подвергли себя страстнымъ его воображеніямъ.

Таковая щастливая промежка была нужна нещастному любовнику, на коей премудрый утвердилъ своды боязненной неизвѣстности; понеже довольно вѣдалъ, что неудовлетворенныя страсти и себя отчужденіе, должны вести юность къ премудрости и величію.

Едва отверзло утро врата сіяющему свѣтилу міра къ возобновленію его теченія, Церирь кликнулъ служащихъ ему невольниковъ, и спросилъ, можетъ ли онъ видѣть принцессу Перизаду, и позволится ли ему отдать поклонъ премудрому.

Нашъ преизрядственный господинъ, отвѣтствовалъ одинъ изъ оныхъ, оставилъ здѣшнія палаты, и прежде года не возвратится. Онъ повелѣлъ намъ, вамъ услуживать, естьли пожелаете вы здѣсь остаться, или въ случаѣ, когда похочите вы возвратиться ко двору Царя родителя вашего, который ставъ возбужденъ вашимъ отсутствіемъ, сердечно желаетъ

летъ вашего возвращенія, то снабдить васъ обоихъ лучшими конями.

А Принцесса? вскричалъ Церирь.

На самомъ разсвѣтѣ оставила она сіе мѣсто, отвѣтствовалъ невольникъ.

При словѣ семъ Церирь пораженный горестію, упалъ на софу.

Который путь избрала Перизада? спросилъ Гистаспъ. Скажи, въ которой землѣ она владычествуетъ?

Я не могу отвѣчать на вопросъ сей, продолжалъ невольникъ съ холодностію; наша должность, гостямъ господина нашего служить въ дѣйствительныхъ надобностяхъ, а не для удовлетворенія ненужнаго и нескромнаго ихъ любопытства.

Дерзкой бездѣльникъ! вскричалъ Церирь, вскоча въ безмѣрной ярости и выхватя свою саблю. Хотя бы защищали тебя тысяча духовъ хранителей, хотя бы ты былъ самъ изъ нихъ; то не убѣгнешь наказанія, заслуживаемаго твоимъ безстыдствомъ, естьли въ сіе мгновеніе не скажешь, гдѣ могу я найти Принцессу Перизаду.

Гистаспъ ужаснувшійся запальчивости братней, схватилъ его за руку; а невольникъ между тѣмъ отступя нѣсколь-

ко шаговъ отъ Царевича, принялъ насмѣшливый видъ, и сказалъ: я поспѣшу къ Принцессѣ Перизадѣ, увѣдомить ее о таковомъ свирѣпомъ любовникѣ. Съ словомъ симъ побѣжалъ онъ вонъ.

Огорченный Цериръ вознамѣрился препятствовать дѣйствію его угрозъ, и надѣялся при томъ погонею за невольникомъ, узнать дорогу избранную Принцессою; онъ схватилъ первую лошадь, кою ему подали, и Гистаспъ слѣдовалъ за нимъ.

Царевичи гнались за удаляющимся, который быстрѣе бѣжалъ вѣтра, цѣлыя двои сутки; поколь напослѣдокъ кони ихъ обезсиленныя голодомъ и усталостію, пали мертвы посреди ужасной пустыни.

Случай сей лишилъ Церира послѣднихъ надеждъ; его дотолѣ неустрашимая мысль не могла ужѐ подкрѣплять изчерпанныя жизненныя духи, и онъ остался, по видимому, бездыханенъ, простертый на песку.

При взорѣ семъ Гистаспъ ощутилъ несказанный страхъ, видя, что не можетъ подать помощи любезному своему брату; онъ омывалъ блѣдное лицѣ его нѣжнѣйшими слезами. Наконецъ открылъ Церирь облеченныя отчаяніемъ глаза̀ свои, и изрекъ дрожащимъ и слабымъ голосомъ:

О

О жестокій Локманъ! я искалъ тебя для обрѣтенія щастія, и нашелъ источникъ бѣдствъ.

Не заключай такъ дерзко, другъ мой, сказалъ Гистаспъ. Оплотъ препятствующій нашимъ желаніямъ, не всегда располагается такъ, какъ представляютъ намъ наши страсти. Милости премудраго извѣстны цѣлому свѣту; то будетъ ли онъ жестокъ противу насъ однихъ? Всемѣрно имѣетъ онъ свои мудрыя причины, для коихъ разлучилъ тебя съ Принцессою; можетъ желаетъ онъ учинить тебя болѣе ея достойнымъ, и ваше предъидущее соединеніе утвердится на постоянствѣ и великихъ подвигахъ, вливаемыхъ возвышенною любовію.

Нѣтъ, нѣтъ, подхватилъ Цериръ, толь отдаленной и неизвѣстной надеждѣ не могу я дать мѣста.

Останьтесь по меньшей мѣрѣ при оной, говорилъ Гистаспъ, поколь объѣздимъ мы всѣ государства въ Азіи; и станемъ стараться выти изъ сей пустыни; она недостойный гробъ сынамъ Логоразва.

Слова сіи возбудили Церира изъ его усыпленія, но желаніе его, слѣдовать совѣтамъ братнимъ, и пользоваться его по-

мощію, было тщетно, ибо силы его оставили.

Любезный Гистаспъ, сказалъ онъ, я изнемогъ, снѣдающій огнь пожираетъ меня; но естьли бы имѣлъ я хотя каплю воды упадающей съ сей каменной стремнины, можетъ бы удержалъ я жизнь мою.

Я лечу, вскричалъ Гистаспъ, почерпнуть сей целебной воды; дай небо! чтобъ я всѣ твои желанія толь легко исполнять могъ. Послѣ сего обратился онъ на шумъ низпадающаго потока, и вшелъ въ пещеру, гдѣ вода собиралась въ обширное и моховатое зборище. Онъ снялъ турбанъ свой для употребленія вмѣсто сосуда; но вдругъ изъ внутренняго отверстія *пещеры горькой*, выскочила толпа разбойниковъ, повлекла его и удалилась.

Гистаспъ при семъ ужасномъ случаѣ чувствовалъ нестолько для себя, какъ для любезнаго брата, коего состояніе приводило ему въ забвеніе собственное. Часто имя Церирь было на устахъ его, часто искалъ онъ искры сожалѣнія на глазахъ сихъ варваровъ; коихъ сталъ добычею, но по напрасну. На конецъ поручилъ онъ брата своего провидѣнію, ибо стараясь подать ему хотя мгновенную помощь,

опасался подвергнуть опасности вольность, или и самую жизнь его.

Церир между тем долго ожидая возвращенія Гистаспова, начал безпокоиться. Прибавляющійся страх умножил силы его, он встал, вошел в пещеру, и искал там выхода из пустыни; каменныя утесы отражая разносили повтореніе имени Гистаспова, и болезненныя восклицанія.

О мой единственный друг! вопіял он, где ты? такова первая наша разлука. Небо! коль она ужасна! какой опасности подверг я тебя? за чем отпустил я тебя прочь? Наше соединеніе, была наша крепость; лютый зверь нашел тебя без брата, которому должно умереть тебя защищая, и он сожрал тебя! Помощь, кою ты искал мне подать, тебе неудачна, ты потерял жизнь свою, желая удержать мою; но раскаяніе мое и дни мои не продолжатся. Когда ты нашел гроб свой в диком звере, я разделю с тобою сіе страшное обиталище, в казнь, что предоставил тебя следствіям изступленія страстей моих.

В сем трепете скорьби и отчаянія провел Церир день и следовавшую

ночь. Иногда продирался онъ свирепо сквозь терновыя кусты, препятствующія его исканію, а иногда задыхался въ пыли.

Когда утро облекло голубое небо живоцвѣтною порфирою, услышалъ Церирь зовущей его громкій голосъ. Звукъ сей оживилъ его надежду, онъ побѣдилъ еще разъ слабость свою, и старался иттить встречу человѣку, коего торопныя взгляды и скорыя шаги, оказывали ревность и доброжеланіе.

Кто бы ты ни былъ, вскричалъ онъ, существо вышеестественное или слабый смертный, какъ и я; скажи, ахъ! скажи, долженъ ли я послѣдовать брату своему въ мрачное царство мертвыхъ, или долженъ я жить, купно съ нимъ пользуясь свѣтомъ.

Живи Царевичь, отвѣтствовалъ незнакомый, живи избавить Гистаспа. Онъ самъ посылаетъ меня, помочь тебѣ изъ сего печальнаго мѣста; иди освободить его изъ подлыхъ и варварскихъ рукъ.

Ахъ! вскричалъ Церирь, побѣжимъ къ нему! гдѣ онъ? поспѣемъ ли мы благовременно спасти его? Можетъ быть утекаетъ отъ насъ въ сіе парящее мгновеніе способность, и предстоитъ ему страшная судьба.

Успо-

Успокойся, сказалъ незнакомый; вмѣсто, чтобъ потерять послѣднія силы отъ толь жестокихъ движеній, старайся собрать ихъ, возми на сей конецъ принесенный мною крѣпительный Еликсиръ. По семъ нужномъ предостереженіи удовольствую я твои вопросы.

Церирь покорилъ нетерпѣливость, и повиновался. Онъ опасался, оскорбить своего благодѣтеля, и сей продолжалъ потомъ.

Провидѣніе направляетъ наши стопы по намѣренію, кое о насъ имѣетъ. Оно попустило, чтобъ я вчерась при захожденіи солнца заблудился, и пришелъ къ входу въ узскій долъ, гдѣ увидѣлъ я на травѣ лежащихъ множество вооруженныхъ, которые не взирая на громогласныя жалобы узника, коего цѣпи одинъ изъ нихъ укрѣпилъ около себя, всѣ въ глубокомъ снѣ находились. Видъ сей поразилъ и тронулъ меня, я подшелъ ближе, презирая изъ человѣколюбія собственную опасность, чрезъ то мнѣ грозящую.

Я вспомнилъ, что, когда мы не затворяемъ слухъ нашъ къ воздыханіямъ нещастныхъ, равно и наши воздыханія вознесутся на крылахъ Ангеловъ предъ престолъ

столЪ Всемогущаго. По чему сказалЪ я тихо: О ты, піющій изЪ сосуда печалей напитокЪ горестей, ободрись, хотя я сердце твое не могу утѣшить кромѣ какЪ словами сажалѣнія, но надѣйся на помощь всемогущаго Создателя твоего. —— АхЪ! коликимЪ благодареніемЪ долженЪ я ему, отвѣтствовалЪ ГистаспЪ, ибо онЪ то былЪ, сЪ кѣмЪ я говорилЪ; онЪ посылалЪ тебя, спасти жизнь брата моего. Спѣши вЪ ближнюю пустыню, возгласи имя Церирово, можетЪ быть еще не поздно, обратить тебѣ великодушіе свое вЪ пользу нещастнаго сего Царевича, которое для меня совсѣмЪ будетЪ безплодно. Что говорю я? Я обязанЪ буду тебѣ всемЪ чаемымЪ отЪ тебя утѣшеніемЪ, естьли подашь ты мнѣ надежду о толь дражайшемЪ родственникѣ. АхЪ! я оставилЪ его, жертвою душевнаго ужаса, который безконечно мучительнѣе всякихЪ тѣлесныхЪ болѣзней. Когда сей послѣдній ударЪ, чрезЪ уронЪ любимаго имЪ брата, не предалЪ еще смерти томное сердце его, то ободри его изображеніемЪ состоянія, вЪ коемЪ меня видишь. Скажи ему: ГистаспЪ полагается на его дружбу, что онЪ избавитЪ его отЪ руки разбойниковЪ, нападшихЪ на

него

него при черпаніи воды для утоленія оною жажды. Не теряй времени, оно драгоцѣнно, оставь сіе опасное мѣсто, единое мгновеніе можетъ лишить тебя вольности и меня возлюбленнаго луча утѣхи, ниспадающаго чрезъ твое присутствіе на пораженный духъ мой.

Разумъ и сожалѣніе принудили меня слѣдовать совѣту Гистаспову, и внять его прозьбѣ. Я далъ ему обнадеживательный знакъ о моей ревности, и отшелъ. Я спѣшилъ въ жилище мое, взять сей Еликсиръ, ибо дѣйствіе его считалъ для васъ необходимо нужнымъ. Тамъ дождался я дня, понеже опасался въ темнотѣ забресть во внутренности сей дикой пустыни, и неблаговременною поспѣшностію лишить тебя назначеннаго утѣшенія.

Преизряднѣйшія благословенія неба да управятъ дни твои, воззопилъ Церилъ; и хотя добродѣтель сама въ себѣ лучшее награжденіе, но я обнадеживаю тебя и въ моей благодарности. Но знаешь ли ты путь избранный разбойниками? —— Но да не удержитъ насъ отвѣтъ твой, ты можешь удовольствовать меня въ томъ, провождая меня къ долинѣ; можетъ быть найдемъ мы еще тамъ моего брата.

Имя

Имя незнакомаго было Сагебъ, которое тоже значитъ, что другъ; его врожденное доброхотство учинило во всѣхъ тваряхъ званія сего достойнымъ, и разумъ его нашелъ вскорѣ, что Цериръ имѣетъ особливое право въ намѣреніяхъ имъ заключаемыхъ. Онъ вѣдалъ, что чрезмѣрныя страсти суть знакъ души возвышенныя и сѣмя всякихъ добрыхъ свойствъ; онъ изъ братской любви Церира замѣчалъ, коль удобна душа сего Царевича къ благороднымъ склонностямъ.

Цериръ съ стороны своей былъ обнятъ къ Сагебу особливымъ пристрастіемъ, вливающимся въ насъ благодарностію за неожидаемое благодѣяніе; однако онъ больше былъ тронутъ, чтобъ могъ сіи возставшія чувствованія, коихъ втеченіе его жизнь ощущала, выразить, или бы дать познать быть въ состояніи.

Наконецъ достигли они въ долину, гдѣ Сагебъ говорилъ съ Гистаспомъ; но разбойники оную оставили такъ, что и слѣда не было, по которому бы ихъ сыскать возможно. Сіе ужасное нещастіе повергло Церира въ отчаяніе, и заключилъ онъ умереть на мѣстѣ, гдѣ лежалъ нещастный братъ его. Во время, когда предался онъ своей нѣжности, и отдавалъ

валъ землѣ, носившей толь драгоцѣнное для него бремя, многія лобзанія, нашелъ онъ въ травѣ табличку, на коей написано было слѣдующее:

„Когда радостный утѣшитель, по„сланный ко мнѣ небомъ, найдетъ тебя „еще жива, возлюбленный Цериръ, то увѣ„ренъ я, что любовь твоя ко мнѣ при„ведетъ тебя сюды; вѣдай судьбу мою. „Разбойники нападшіе на меня въ пещерѣ, „опредѣлили по найденнымъ при мнѣ „дорогимъ камнямъ, что я въ состояніи „заплатить большей выкупъ, и уразу„мѣли, что собственныя ихъ выгоды „требуютъ хранить жизнь мою. По „нѣсколькихъ разъѣздахъ въ сосѣдствен„ныхъ земляхъ, которыхъ именованіе „мнѣ неизвѣстно; хотятъ они ѣхать въ „Гератъ. Туды долженъ ты мнѣ по„слѣдовать, и тамо найдемъ мы себя во „объятіяхъ нѣжной родительницы.„

Тысящекратно мятущійся Цериръ въ восхитительной радости, коя столькожъ безмѣрна была, какъ и прежняя грусть, прижималъ къ груди своей оное дражайшее начертаніе. Онъ готовъ былъ, не медля шествовать въ Гератъ, но съ крайнимъ нетерпѣніемъ услышалъ представленія Сагеба о толь поспѣшномъ вознамѣреніи.

Ца-

Царевичь! естьли ты и не хочешь помыслить, продолжалъ сей великодушный мужъ, что сіе есть только сильное движеніе чувствъ, подкрѣпляемое жизненными твоими духами, но которое теряетъ силу свою, коль скоро оныя ослабнутъ, припомни по крайней мѣрѣ, что ты долженъ мнѣ жизнію и всѣми восхищающими тебя надеждами. Много ли я потребую, естьли пожелаю, чтобъ ты за такое благодѣяніе уступилъ мнѣ нѣчто? Ты можешь быть въ Гератѣ прежде своего брата, и между тѣмъ оказать мнѣ должную благодарность. Позволь мнѣ на нѣсколько дней употребить право странноприимства. Жилище мое отсюду близко; въ немъ должно вамъ послѣ горести толикихъ отягощеній вкусить сладость покоя; въ немъ найдете вы отдыхновеніе, могущее учинить васъ способнымъ къ путешествію, и друга, послѣдующаго стопамъ твоимъ, и коего сердце возрадуется о твоемъ соглашеніи.

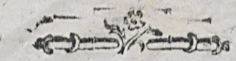
Церирь слушалъ Сагеба закраснѣвшись, и отвѣтствовалъ:

Твое дружественное укореніе служитъ разуму моему, яко лучь свѣта омраченному небу. Оно разогнало мглу страстей. Я признаюсь, что благодарность, вен-

первенствующая должность человѣку, и я предаю себя не токмо на желаемое время твоего расположенія, но и въ каждое мгновеніе спасенной тобою жизни къ твоимъ услугамъ.

Награжденіе превзойдетъ очень заслугу, подхватилъ Сагебъ; между тѣмъ пріемлю я сіе похвальное восхищеніе сердца твоего, я не употреблю онаго во зло.

Мѣстоположеніе Сагебова жилища, казалось быть пребываніемъ смѣющейся природы, и вмѣстилищемъ всякихъ прелестей. Изрядно выстроенный замокъ, стоялъ на скатѣ холма, коего вершина окружалась величественными и благоуханными древесами. Посреди сея веселой сѣни бросалъ водометъ серебреную струю свою на воздухъ, коя въ паденіи своемъ окропляя розы, тюльпаны и прочія избраннѣйшія цвѣты, катилась въ долину оросить сокрытыя въ травѣ фіалки Тамъ обвивалъ жасминъ бѣлые цвѣты с округъ гранатныхъ яблокъ, и окруж яхонтовые ряды его двойною короно и розы Ерихонскія мѣшали краски и дость запаха своего съ блестящимъ томъ, и бодрымъ испареніемъ по цовъ. —— Здѣсь восхищался слух

точисленнымЪ хоромЪ согласнаго звука птицЪ, увеселялось зрѣніе разновидными и прекрасными ихЪ перьями, и трогало сердце при взорѣ на оживленныя ими забавы и нѣжное согласіе. СловомЪ: здѣсь каждое чувство насыщалось разночастно.

СагебЪ угощалЪ своего гостя всѣми родами изящностей, доставляемыхЪ роскошною Азіею. ОбразЪ жизни и вкусЪ его подавали знать, что онЪ не всегда обращался во уединеніи. При возбужденномЪ вечернемЪ разговорѣ, разсказалЪ ему Царевичь, кратко приключенія свои; причемЪ образЪ Принцессы Перизады возвратился вЪ память его, такЪ что СагебЪ кЪ отвращенію опасности, могущей произойтить отЪ столь трогающаго воспоминанія, и во утѣшеніе ему, отвелЪ рѣчь вЪ похвалы Локману.

Ему долженЪ я, продолжалЪ онЪ, настоящимЪ покоемЪ моимЪ и удовольствіемЪ. Я испыталЪ на моряхЪ про[illegible]ивностей волнующіяся дни; я бросаемЪ [illegible]лЪ на утесы горестей, но хотя не [illegible]свояю себѣ толь жестокихЪ чувство[illegible]й, какЪ твои, однакожь постоян[illegible] мое вЪ сихЪ опытахЪ не безЪ за[illegible].

АхЪ

Ахъ! открой мнѣ оныя, сказалъ Цериръ, умножъ обязанность мою къ тебѣ, и тѣмъ, чтобы научился я изъ твоихъ примѣровъ, какъ преносить бѣдствія жизни.

ПОВѢСТЬ САГЕБА.

Я произхожу отъ рода знатнаго, началъ Сагебъ, и получилъ щастливое воспитаніе; ибо премудрый Локманъ взялъ надзираніе надъ перьвыми моими годами. Въ то время приказалъ онъ мнѣ путешествовать; но перьвая дорога была бы мнѣ нещастлива, естьли бы наставленія его не охранили моего сердца.

Переправясь чрезъ морскій проливъ, и вступя въ обширную Имперію Иранъ (*), нашелъ я распространившуюся по всей землѣ славу о Зороастрѣ (**). Сильное же-

(*) *Иранъ въ Персіи.*
(**) *Зороастръ называется отъ Азіатцовъ Цердучъ, и извѣстенъ у нихъ какъ славнѣйшій волшебникъ, произведенный оными баснословными временами. Намъ извѣстенъ онъ, яко глава безбожнаго ученія, и слѣдственно обманщикъ. Онъ училъ поклоненію солнцу, и создалъ храмъ, въ которомъ на возвышенномъ*

желанїе сего возникшаго обманщика узнать и опровергнуть, обьяло мое сердце. Ревность юношей горда и безразсудна; но гордость моя прїяла въ возмездїе заслуженный стыдъ.

Зороастръ ищущїй насадить суевѣрство, долженствовалъ необходимо быть врагъ разуму, и ненавидѣлъ по тому Локмана. Помыслъ, насажденную премудрымъ на крѣпкомъ основанїи правды отрасль, перенести въ безплодный песокъ заблужденїя, надулъ его сердце. Онъ предпочелъ меня всѣмъ ищущимъ его обхожденїя, и не мало трудился меня оспорить.

Преимущество сїе приписывалъ я моимъ заслугамъ, и непримѣтно суетность моя искала возвысить того, кто ей ласкательствовалъ, и довела меня взирать на обманщика, яко на мужа достойнаго, опорочиваема несправедливо. Я испытывалъ его ученїе, или лучше сказать, воображалъ, что я оное испытываю, когда въ самомъ дѣлѣ только удивлялся его дѣйствїю, и на число учениковъ его взиралъ, какъ на доводъ преимущественныхъ свойствъ

олтарѣ хранился вѣчно горящїй огонь, и обожаемый за чистое излїянїе небеснаго свѣтила мїра.

свойствъ моихъ, кои совсѣмъ особливо примѣчаніе его изъ всѣхъ ко мнѣ привлекали.

Зороастръ равно прочимъ учредителямъ новаго толка, былъ знатокъ въ слабостяхъ человѣческихъ. Онъ видѣлъ мою, и обращалъ оную по возможности въ пользу свою. Коротко сказать: я началъ привыкать къ смѣшнымъ обрядамъ, коими ругался, и мое охотное согласіе удостоило меня чести, прежде всѣхъ другихъ, быть онымъ посвящену.

Время сіе было, когда первыя мои основанія возобновили во мнѣ начальное свое вліяніе. Мы находились въ новопостроенномъ храмѣ, какъ свѣтъ разума сильнѣе озарилъ смыслъ мой, нежели обожаемый огнь; помышленіе, коль много унижаемо божество бѣшенствомъ человѣческихъ мечтеній, возбудило гнѣвъ мой: но предвидя опасность, естьли бы я вступилъ въ словопреніе, вышелъ я съ презрительнымъ молчаніемъ.

Замѣшательство Зороастрово было велико; а мое безконечно больше; изобильная толпа его послѣдователей довольно награждала ему отторженіе мое; но меня опровергалъ многія дни стыдъ, что я толь безразсудно на первомъ подвигѣ ме-

молодости моей, предался гордости и дерзости.

Не въ дальности Герата искалъ я въ одинъ жаркій вечеръ убѣжища близъ рѣки подъ растущими на берегу пальмовыми деревьями. Разсужденія мои исполненны были раскаянія и ужаса. Я помышлялъ, что будетъ говорить Локманъ о моемъ преступленіи, и ночь непримѣтно настала. Я дожидался возхожденія мѣсяца, къ способности возвращенія моего, какъ услышалъ печальный голосъ отчаянія. Воздухъ былъ ясенъ, звѣзды очень блистали, сіе способствовало мнѣ увидѣть чрезмѣрно прекрасную женщину, которая по нѣсколькимъ несообразимымъ словамъ, бросилась въ рѣку. Я скочилъ безъ размышленія въ воду спасти ее, схватилъ за платье, и извлекъ щастливо на берегъ.

Оная скоро опомнилась. Я держалъ ее руками, чтобы не повторила она прежняго отчаянія; она возвела на меня любви достойныя глаза свои, и сказала.

Чѣмъ оскорбила я тебя, о незнакомый, что ты лишаешь меня сего послѣдняго прибѣжища къ покою? Естьли происходитъ твоя обманутая ревность по человѣколюбію, то знай, что я бѣднѣйшая тварь из свѣтѣ. Пусти меня, впрочемъ

чемъ легко можетъ притить гонитель мой, и оковать меня тягчайшими узами тѣхъ, изъ коихъ я освободилась. Ахъ! продолжала она съ покойнымъ вздохомъ; можетъ отнимет онъ и у тебя жизнь - - - Несоразмѣрная отплата произведенному тобою благодѣянію!

Съ того мгновенія, какъ держалъ я сей небесный образъ въ объятіяхъ моихъ, овладѣла она неизвѣстнымъ движеніемъ сердца моего, и лишила меня словъ. Но при произнесеніи гонителя, языкъ мой получилъ употребленіе. Гдѣ онъ? вскричалъ я, гдѣ варваръ, могущей вредить тебѣ, дщерь красоты? Покажи мнѣ путь къ нему, чтобы я могъ сорвавъ съ него голову, повергнуть къ ногамъ твоимъ.

Я не могу покушаться на жизнь его, отвѣтствовала она, онъ супругъ мой.

Супругъ твой? сказалъ я голосомъ огорченія. Такъ, говорила она, и хотя не оскорбила его, но поступаетъ онъ со мною неслыханнымъ и почти невѣроятнымъ образомъ.

Какъ можетъ онъ, сказалъ я, учинить себя виновнымъ толикаго безчеловѣчія, когда столь прелестная особа нѣжностямъ его отвѣтствуетъ любовію?

Азаръ не оказывалъ мнѣ нѣжностей, подхватила она; слушай печальное повѣствованіе нещастной Сафиры, и дай мнѣ умереть. Родители мои состояли при дворѣ Гератскомъ въ великой знатности. Я была единый плодъ нѣжнаго ихъ союза, и всѣ желанія влюбленныхъ ихъ сердецъ, клонились къ моему благополучію.

Богатый и благородный юноша, появившійся посреди своихъ сверстниковъ въ сіяніи, подобномъ утренней звѣздѣ предводительствующей блестящимъ небеснымъ воинствомъ, сватался за меня; родители мои съ радостію согласились на его желанія, и я повиновалась. Мы приступали уже къ браку, какъ по нещастію Маана, возлюбленная невольница, уговорила меня, въ маленькой бесѣдкѣ на самомъ краю нашего сада, воспользоваться отмѣнно пріятною вечернею погодою. Внимай, тамъ напали на насъ вооруженные люди; Азаръ, предводитель ихъ схватилъ меня, и увезъ въ сей крѣпкой замокъ, лежещей на холму.

Вскорѣ получилъ онъ принужденное согласіе отъ родителей моихъ на нашу свадьбу. Нѣсколько времени тихій нравъ его и дружеское обхожденіе составляли мое щастіе; но какъ отецъ

мой

мой —— не знаю за какое преступленіе —— получилъ приказъ, выѣхать изъ государства. Снялъ онъ личину ласковостей, и оказался въ природной лютости своей.

Шесть разъ солнце погружало златую главу свою въ волнахъ морскихъ, и столькожъ возходило, и въ сіе время не видала я оживляющихъ лучей его. Тюрьма моя была самая мрачность; тяжкая цѣпь придавляла меня къ хладной землѣ; Азаръ давалъ мнѣ едва нужную пищу для поддержанія дней моихъ, и отравлялъ оную горечью словъ своихъ; ярость его казалась умножающеюся отъ моего покорнаго терпѣнія; напоследокъ осыпавъ меня ругательствами, билъ немилосердо, по коль насытился слезъ моихъ.

Нынѣ призывая умягчающую руку смерти, увидѣла вошедшую ко мнѣ въ темницу Маану, разломившую мои оковы и сказавшую: бѣги, бѣдная Сафира; иди куды хочешь, и опасайся впасть въ немилосердыя руки, изъ коихъ я тебя освобождаю.

Я принуждена была, слѣдовать совѣту сему; ибо не имѣю прибѣжища, ни родственниковъ, ни защитника.

Щастливый юноша, сказалъ я ей съ любопытнымъ взоромъ, имѣющій право на драгоцѣнный залогъ вашей вѣрности, конечно уже не есть въ живыхъ.

Мнѣ не извѣстна судьба его, отвѣчала она, его не видно стало въ томъ же день, какъ впала я въ руки его совмѣстника. Любви достойный Морадъ! естьли предательствующій кинжалъ смерти, пререзалъ златую нить дней твоихъ, то ты не толь нещастливъ, какъ Сафира.

Онъ еще достоинъ зависти, сказалъ я, онъ живетъ въ твоемъ сердцѣ, которое первымъ движеніямъ любви отъ него научилось.

Отъ словъ сихъ Сафирины щеки покрылись живѣйшею краскою цвѣтущихъ розъ. Выразительный, и при томъ непорочный взглядъ, просіялъ надежду въ мою восхищенную душу; я прижалъ ее съ радостію, которая сильнѣе была, нежели чтобы оную изъяснить возможно, къ груди моей; но какимъ ужаснымъ образомъ прервано было наше пріятное и проницательное молчаніе! Въ восторгѣ моемъ не примѣтилъ я, что вооруженные люди къ намъ спѣшили. Сафира ихъ увидѣла, старалась вырваться изъ моихъ объятій, и вскричала.

Вотъ

Вотъ лютой Азаръ; бѣги, и дай мнѣ въ пріятствующей рѣкѣ найтить спасеніе отъ его свирѣпства. Сказавъ сіе упала въ обморокъ.

Я бросился съ жестокостію на невольниковъ окружающихъ Азара; онъ приказалъ щадить жизнь мою, и меня обезоружить. Между тѣмъ сей послѣдній приказъ не толь легко произвесть бы можно, естьли бъ состояніе, въ коемъ видѣлъ я Сафиру, не лишило меня въ сраженіи всего присутствія духа. Храбрость моя уступила нѣжному страху, чрезъ то овладѣли мною бѣдняки сіи, которыхъ бы въ прочемъ разсѣялъ я, подобно, какъ развѣваетъ вѣтръ легкую пыль на горахъ; и я приведенъ былъ съ бездыханною Сафирою въ Азаровъ замокъ.

Первыя слова, кои появились изъ устъ приходящей въ себя Сафиры, клонились къ тому, что пеклась она о моей безопасности; она просила въ трогающихъ выраженіяхъ о моей жизни, и разсказывала съ отважною холодностію о отчаянномъ своемъ предпріятіи.

Азаръ отвѣтствовалъ толь ласково и вѣжливо, что я на него взглянулъ, и благородными и привлекающими чертами лица его, былъ тронутъ. Чаятельно замѣ-

мѣтилъ онъ въ изумленныхъ взорахъ моихъ знаки сумнѣнія, въ разсужденіи чистосердечія Сафиры, ибо повелѣвъ невольникамъ отвесть ее въ ея комнату, сказалъ мнѣ смѣючись.

Я чувствую, великодушный незнакомецъ, что тебѣ не свѣдомы еще хитрости женскаго пола, но ты могъ быть больше обманутъ Сафиринымъ божественнымъ видомъ, чѣмъ истинною ея разсказовъ. Кто бы подумалъ, невѣдая, что зеленый кристалъ тихаго моря, часто можетъ бунтуя пѣниться, и грозитъ погибелію?

Справедливость сего уподобленія изъвѣдалъ я на щетъ моего покоя; Сафирина гордость и жестокосердіе равны неукротимымъ волнамъ. Я здѣлалъ ей нынѣ достойный выговоръ, и въ бурѣ страсти своей ушла отъ меня, однакожъ произведеніе угрозъ своихъ не прежде исполнить вздумала, какъ замѣтя, что готова ужè рука спасти ее. Между тѣмъ я за избавленіе ее очень обязанъ, я прошу тебя, увѣнчать обязанность сію гощеніемъ у меня на нѣсколько дней; ты подъ симъ дружественнымъ кровомъ принятъ будетъ соразмѣрно твоей заслугѣ и моей благодарности.

Про-

Простосердіе юношества, не легко даетъ мѣсто помышленію недовѣренности. Съ восхищеніемъ принялъ я Азарово предложеніе; любовь моя къ Сафирѣ тѣмъ, что она уклонилась отъ истинны, не уменшилась: я сравнивалъ противорѣчіе Азарова и ея повѣствованія. Азаръ признавался, что онъ употребилъ строгость, и кроткую красавицу уподоблялъ я нѣжному цвѣтку, который при слабомъ вѣтеркѣ, стольkожъ колеблется, какъ при сѣверномъ вихрѣ. Одно только мѣсто въ повѣствованіи ея, кое не могъ я отъ лжи наречь свободнымъ, была холодность, въ которой обвиняла она Азара, за тѣмъ что свидѣтельство собственнаго моего влюбленнаго сердца авозможности того противурѣчило.

Ты удивляешся, Царевичь, что я предался любви порочной, но ты не разсуждаешь, что существо любовной страсти въ первоначаліи своемъ бываетъ въ душѣ чисто, и ни съ какимъ низкимъ прибавленіемъ несмѣшено, слѣдственно не имѣетъ въ себѣ, могущаго безпокоить осторожную совѣсть.

Въ сей безопасности препровелъ я многіе дни; во оныя укрѣпилось возрастающее мое дружество къ Азару. Никогда

да не взиралъ я на него завистливыми очами солюбовника, но воспріялъ твердыя знаки его склонности, съ благодарностію зависти чуждающеюся. Разговоры наши были длинны и обоимъ утѣшительны. Иногда участвовала въ оныхъ и Сафира: но хотя склонность сея было высочайшее изъ моихъ желаній, но время мое въ присутствіи ея шло не съ таковою ясностію, какъ наединѣ съ Азаромъ. Подъ часъ приписывалъ я болѣзненныя движенія сердца моего безпокойству, чувствуемому о состояніи, въ коемъ видѣлъ я Сафиру; глубокая печаль покрывала прекрасное лице ея, лучи любовію заражающихъ очей ея, часто помрачались слезами; и не взирая на Азаровы нѣжныя попеченія, казалась она горестнѣе, нежели въ нещастный день, когда я въ первые ея увидѣлъ.

Хотя не можно мнѣ было, не обвинять Сафиру за несправедливость носимаго ею омерзенія къ любви достойному Азару, но сожалѣніе одерживало верхъ надъ укореніемъ, и вливало на огонь масло. Сожалѣніе и любовь болѣе между собою сходствуютъ, всѣхъ прочихъ чувствъ человѣческаго сердца, ибо они, двѣ крѣпчайшія пружины природы, и два главные источника нашего ощущенія.

Иногда

Иногда подозрѣвалъ я Азара, что вліяніе обоихъ сихъ чувствованій дѣйствуетъ на самаго его. Необычайное пренебреженіе его, когда позволилъ онъ мнѣ водиться съ Сафирою, считалъ я сожалѣніемъ къ моей слабости; но послѣ находилъ я въ осторожныхъ очахъ его и безпокойныхъ взглядахъ, несумнѣнныя доводы грызущей ревнивости. Однакожъ не имѣлъ я довольно великодушія, отвратить для него болѣзненное мѣстничество; разумъ мой не прежде могъ пробудиться, какъ чрезъ крайнюю опасность.

Когда розы и лиліи здоровья начали мѣшаться на лицѣ Сафириномъ, Азаръ въ свидѣтельство радости своей, далъ родственникамъ своимъ, и домашнимъ великолѣпный пиръ.

Различными живыми красками разпещренныя полатки, разбиты были на пріятномъ лугу, окруженномъ многими малыми деревцами покрытыми холмами, отъ коихъ смѣсь травъ, и игра нерукосажденныхъ цвѣтковъ содержалась въ бодрости. Множество было случаевъ, забавлять себя, и каждый могъ посклонности своей избрать времяни препровожденіе; женщины не изключены были изъ сего, и хотя лицы ихъ завѣшены покрыва-

вала-

валами, по присутствіемъ своимъ оживляли веселое сіе позорище.

Можетъ бы въ шумѣ общаго радованія, нашелъ я случай, открыть Сафирѣ тайны сердца моего, естьли бы самъ оныя явственно разумѣлъ: или бы, лучше сказать, право страннопріимства и долгъ дружества, не положило моимъ невольнымъ волнованіямъ предѣла, и не замкнуло устъ моихъ; но напослѣдокъ услышалъ я говорящую Сафиру; нерѣшимость и осторожности изчесли.

Сагебъ, сказала она, приди въ садъ, когда ночь будетъ на среди мрачнаго своего теченія, и дожидайся меня въ гротѣ; тамъ желаю я ввѣрить великодушному твоему сердцу таинство, крайнѣйшей важности для моего покоя.

Отъ словъ сихъ не былъ уже я самъ въ себѣ, и равно какъ бы ощутилъ себя въ новомъ существѣ: всѣ знаки жестокой страсти вдругъ появились: я краснѣлъ, дрожалъ, глаза мои пылали исполненною надежды радостію; въ сердце моемъ трепетало безпокойство желанія, и въ безмолвномъ наклоненіи выразилъ и ей восхитительное повиновеніе.

Быстрые часы недовольно скоры были для желанія мыслей моихъ, часто обвиняль

ным и солнце, кое по зависти укрочало бѣгъ свой, что бы задлить мое благополучіе, но напослѣдокъ истекъ продолжительный день, и кончился по щастію препоною моихъ казни достойныхъ ожиданій.

Когда Азаръ отдалъ повелѣніе учредить столъ тайнаго удовольствія въ самомъ томъ же гротѣ, гдѣ льстилъ я насытиться любовію, сказала мнѣ Сафира на ухо:

Сагебъ, судьба, которыя воля всегда противится нещастной Сафирѣ, опредѣлила; препровесть ей ночь сію въ сообществѣ ея тирана, вмѣсто чтобъ вкусить наслаждающій разговоръ друга, но можетъ быть случай не всегда возпротивится пламеннымъ моимъ желаніямъ.

Кто испыталъ уничтоженіе основанныхъ надеждъ своихъ, тотъ только можетъ представить себѣ мое состояніе. Я оставался долго и по возвращеніи оттуду Азара, безсловесенъ и недвижимъ, и только ненавистные знаки нѣжности оказываемой имъ Сафирѣ, ободрили меня. Усыпленіе мое обратилось въ ярость, кою Сафирины млеющія взоры, и моего великодушнаго угостителя дружескія обхожденія едва удержать могли.

Но бѣшенство мое проторглось за всѣ препоны, когда сія любви достойная пара удалилась на покой; я слѣдовалъ за ними нѣсколько шаговъ съ повыдернутою изъ ноженъ саблею, и съ жаждущимъ крови ненавидимаго мною солюбовника сердцемъ, какъ послышалось мнѣ, что гласъ Локмановъ гремѣлъ во ушеса мои:

Куда ведетъ тебя позорная страсть; о погибшій казни стоющій Сагебъ? Дружественнаго угостителя умертвить ты хочешь за то, что не можешь вдругъ ограбить лучшее его сокровище? Возвратись изъ кривыхъ путей заблужденія, и будь обманутъ, чѣмъ повергнуться тебѣ съ разверстыми очами, въ пропасть злобы.

Либо моя возмущенная совѣсть заимствовала сей страшный звонъ, или премудрый дѣйствительно послалъ добраго духа, сказавшаго слова сіи; я остановился, и объятый страхомъ, палъ я въ несказанномъ ужасѣ омерзенія, сѣтованія и раскаянія на землю. Пребылъ я въ семъ положеніи, доколь помыслилъ, что еще не поздно, поправится, не разліялъ бальсамъ утѣшенія по уязвленной мысли моей. Я заключилъ по тому, выѣхать изъ замка Азарова, какъ только отворятъ

во-

вороты, не давъ себѣ времени, принесть ему признанія толь худо употребленной благодарности.

Между тѣмъ служащіе мнѣ невольники, думали, что я ночь желаю препроводить въ гротѣ, и по угашеніи лампадъ удалились. Въ разсѣяніи мыслей моихъ, не зналъ я въ окружащей меня темнотѣ, куды обратить слѣды мои, я повергъ себя на софу, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ разсвѣту.

По маломъ времени услышалъ я входящихъ въ гротъ и приближающихся ко мнѣ людей. О! вотъ Сафира, говорилъ я въ себѣ, кто вооружитъ меня противу сей новой опасности? Могу ли я прятаться, когда меня ищетъ Сафира? Могу ли я отъ нея бѣжать?

Я опасался въ семъ сраженіи съ собою, коего слѣдствія толь неизвѣстны были, слышать волшебный Сафиринъ голосъ, и услышалъ воніющую Маану.

Неблагодарный Азаръ, не старайся обмануть печаль мою притворною твоею привязанностію; твои хитрыя слова подобный умѣренной и обманчивой весенней погогѣ. По обѣщанію щастливыхъ дней предала я тебѣ Сафиру, и туча противностей была до сель единственная мзда моя.

Какъ

Какъ несправедливы твои жалобы, любезная Маана, отвѣтствовалъ Азаръ, не осыпаю ли я тебя угожденіями; ты здѣсь повелѣваешь, и пріемлешь болѣе почтенія и уваженія самой Сафиры.

Любовь одна мзда моя, любовь, подхватила Маана, но твое жестокое сердце не даетъ мѣста никакой страсти, кромѣ ненависти, питается ядовитыми ея скорпіями, и противится познанію нѣжныхъ чувствованій.

Дай небо, вскричалъ Азаръ, чтобъ я таковымъ былъ, какъ ты меня изображаешь.

Такъ наказали меня въ послѣди Сафирины прелести, продолжала Маана, не за измѣну мою противъ ее, но за возчувствованное о ней сожалѣніе! Я ужаснулась силы слезъ ея; я основала надежду мою на безмѣрномъ отчаяніи; я разломила цѣпи ея, чтобъ доставить способъ къ часто-призываемой ею смерти. Проклятъ ты будь, ненавистный Сагебъ! чрезъ твою невременную помощь живетъ благополучно Сафира, а Маана лишена утѣхи, видѣть совмѣстницу свою столько же нещастну, какъ саму себя; или по меньшей мѣрѣ быть любимицею Азара.

Спе-

Спокойся, сказалъ Азаръ, естьли Сафирино щастіе утверждается на любви моей къ ней, то тебѣ остается утѣшеніе, что она нещастлива; и естьли ты можешь довольна быть моимъ дружествомъ, удобно тебѣ довольствоваться онымъ безъ совмѣстницы. Но выслушай меня, я хочу открыть тебѣ таинство, которое отъиметъ всѣ твое сумнѣніе.

Естьли начало разговора сего возбудило мое любопытство, продолжалъ Сагебъ, понеже я во всемъ касающемся до Сафиры, бралъ участіе, и сіе участвованіе умножалось явнымъ ея оправданіемъ, то былъ я отчасу нетерпѣливѣе увѣдать, сколь далеко потребна ей моя защита, ибо хотя любовь можетъ быть порокомъ, но великодушіе остается всегда добродѣтелію. Почему наблюдалъ я глубокое молчаніе, и Азаръ продолжалъ.

Знай, любезная Мазна, что я нѣжныхъ желаемыхъ тобою отъ меня чувствованій, не могу имѣть ни къ какой особѣ твоего пола. Я такаяжъ какъ и ты женщина, но безконечно нещастнѣе, нежели ты быть можешь, доколь судьба оставитъ тебя въ моихъ дружественныхъ рукахъ.

Я родилась въ Ширасѣ (*), двойништная съ братомъ, такъ ко мнѣ сходнымъ, что насъ одѣтыхъ въ одно платье никакъ различить было не можно. По кончинѣ родителей моихъ осталась я подъ надзиранiемъ сего брата, который старался обыкновенное удаленiе пола моего отъ обществъ учинить прiятнымъ, и позволилъ мнѣ участвовать во всемъ, чему его научили.

Когда я окрѣпчала чрезъ суровыя упражненiя, не потерявъ однако красоты моей, говорилъ мнѣ братъ мой слѣдующимъ образомъ:

Когда я окрѣпчала чрезъ суровыя упражненiя, не потерявъ однако красоты моей, говорилъ мнѣ братъ мой слѣдующимъ образомъ.

Время ужѐ, возлюбленная Гулруца, пожать мнѣ плоды твоего подражанiя и моихъ попеченiй. Хотя древо жизни моей только лишъ разцвѣтаетъ, но наскучилъ ужѐ я ложнымъ сiянiемъ двора, и глупою пышностiю свѣта. Я жажду убѣжи-

(*) *Ширасъ извѣстенъ по вкусному вину, производимому плодоносными тамошними мѣстами. Онъ считается прекраснѣйшимъ городомъ въ провинцiи Персидѣ.*

бѣжища отъ волнующагося общества. Но хотя заключенiе мое оправд ется высокимъ твоимъ духомъ, однакожъ примѣръ мой мало учинитъ на тебя впечатлѣнiя. Испытай по тому съ возлюбленнымъ братомъ, крайнѣйшiй уголъ твоего сердца: надѣешся ли ты оборонить чувствованiе свое отъ силы любви, или противу стать приманчивости сей стрэсти, коя только слабостiю нашею подкрѣпляется; а я хочу, вмѣсто того, чтобъ предать тебя тирану подъ священнымъ именемъ супруги, доставить тебѣ всѣ удовольствiя жизни, которыя по мнѣнiю моему больше соразмѣрны будутъ нраву твоему, чѣмъ для меня; и особливость состоянiя твоего увеличитъ оныхъ цѣну. Словомъ, намѣренiе мое клонится единственно къ тому, отдать тебѣ мое имѣнiе, мой чинъ и всѣ права моего пола: ты будешь содержана за самаго меня, и я распущу нынѣшнихъ моихъ служителей, скажу родственникамъ, что послалъ тебя въ отдаленное государство; и самъ удалюсь тогда въ дичайшую пустыню.

Сiе чрезвычайное предложенiе, изрядно сходствовало съ моею склонностiю и гордостiю, чтобы я неохотно оное при-

нять могла; родство только противилось; но какъ братъ симъ возраженіемъ не могъ быть удержанъ, то освободила я его отъ главной въ разсужденіи меня заботы. Прилѣжно послушалась я его совѣта, и думала, что оный вырѣзанъ въ моемъ сердцѣ; но вскорѣ узнала, обманъ неразсуднаго моего честолюбія.

Все произведено по учиненному расположенію; но хотя никто не подозрѣвалъ о тайномъ нашемъ поступкѣ, однако по отъѣздѣ брата моего не могла я побѣдить моего безпокойства. Я мнила, каждой человѣкъ испытываетъ меня, и я убѣгала обманутыхъ его пріятелей, ищущихъ моего общества. Наконецъ опредѣлила я оставить отечество, и расположила жилище свое въ главномъ городѣ Ирана, гдѣ мое извѣстное достоинство и мое неизчетное богатство пріобрѣли мнѣ лестное преимущество.

Между юношами искавшими моей довѣренности, нашла я Морада оныя достойнѣйшимъ. Близкое обхожденіе вскорѣ обратило дружбу въ любовь, но любовь сія толь была скрытна, что я цѣлый годъ, щастливѣйшій въ моей жизни, съ удовольствіемъ покоилась на однихъ только цвѣтахъ, кои скрывали пропасть подъ ногами моими.

Во все сіе время ни однажды не приходили въ мысль наставленія брата моего, ибо ни одинъ знакъ, о которыхъ онъ предостерегалъ меня, не возбуждалъ во мнѣ страха.

Потомъ насталъ день, коего нещастный свѣтъ изгналъ щастливый покой изъ груди моей. Морадъ, котораго я могла читать во внутреннихъ его сердца, былъ необычайно безпокоенъ; я спрашивала его съ предчувственнымъ ужасомъ о причинѣ, и онъ открылся мнѣ въ любви своей къ Сафирѣ.

При семъ непріятномъ открытіи смертельная блѣдность разпростерлась по лицу моему, и я обомлела въ рукахъ предмѣта моей неизвѣстной любви; но увы; потерянный другъ! пришедъ въ себя, увидѣла я по изумленнымъ его взорамъ, что онъ открылъ двойное мое таинство; онъ обѣщалъ хотя хранить оное свято, но я пожала отъ сего принужденнаго открытія толь горькіе плоды, что я ихъ безпрестанно оплакиваю.

Роса утѣшенія низпадшая съ устенъ Морадовыхъ, вмѣсто ободренія, привела мое сердце во ужасъ, и дальнѣйшее его поведеніе вогнало меня въ отчаяніе. Я видѣла, что онъ убѣгалъ меня, и заклю-

чилЪ совершеніе кЪ своему браку, чрезЪ то искала я твоего знакомства. Глаза твои, любви достойная Маана, обманули твое сердце; ты сняла на себя, удовольствовать мои намѣренія, и лишить Морада его возлюбленной Сафиры; я наградила тебя за оное всѣми знаками дружества, кои могли подать облегченіе вЪ твоей неудачливой надеждѣ. Для злополучной Гульруцы было между тѣмЪ сЪ каждымЪ днемЪ умноженіе страданія. По часту удивлялась ты удовольствію, которое вкушала я по твоему мнѣнію, когда предавалась тщетной ненависти противу Морада, но сіе были мученія презираемой любви, кою я претерпѣвала. Темница, вЪ которую заключила я сего врага покою моего, омерзеніе мое кЪ Сафирѣ, немилосердые мои противу ея поступки; все сіе казалось тебѣ не естественною лютостію, но естьли любовь твоя извиняла мое поведеніе; то разумЪ твой теперь оное оправдаетЪ. МорадЪ вѣдаетЪ таинство, что Сафирина невинность доселѣ безопасна; я не могу безопасно возвратить ему вольности, не обнадежась вЪ его сердцѣ. Силы надежды, самолюбіемЪ вЪ существо наше вплетаемыя, провождали меня, при каждомЪ

моемЪ

моемъ Морада посѣщеніи, и при изходѣ моемъ отъ него, послѣдовало мнѣ отчаяніе, и обращало шаги мои къ ненавистной моей совмѣстницѣ: его свирѣпство, мое возбуждало. Онъ бываетъ глухъ при моихъ воздыханіяхъ, и я затыкаю уши мои къ ея жалобамъ.

Небо воззрѣло съ сожалѣніемъ на сіе ужасное позорище бѣдствія, и послало Сагеба, изгнать вредъ изъ сего жилища слезъ. Изобильныя добродѣтели, болѣе нежели мужескія пріятности сего великодушнаго чужестранца, сердце мое перемѣнили, но моя новая страсть, достойна новаго предмета.

Сагебъ равно какъ и Морадъ ощутилъ силу прелѣстей Сафириныхъ, и я за то не досадую. Онъ научилъ сердце мое любви не своекорыстной. Я взирала на Сафиру, яко на злодѣйку, когда оспоривала она мнѣ склонность Морадову, но она учинилась моимъ другомъ со времени когда стала обожаема Сагебомъ, и однако величайшее изъ моихъ желаній быть отъ него любимою. Естьли дѣйствительно смертное существо сіе, совершившее таковое чудо, то могу я еще быть щастлива. Ибо молчаніе твое, любезная Мааха, доказываетъ мнѣ, что покой пріялъ обрати-

обратно мѣсто въ душѣ твоей; и по тому могу я, чрезъ твое дружеское вспомоществованіе, въ лучшемъ предпріятіи того, въ коемъ я обманулась, имѣть надежду.

Морадъ имѣетъ несумненное право на Сафиру; я казни достойная хищница сокровища, отъ коего не имѣю пользы, а кое могу опять возвратить, пристойность одна долженствуетъ меня привесть къ дѣйствію, коего справедливость не терпитъ чрезъ то ущерба, что я обращу его къ моимъ выгодамъ. Возми сей ключь отъ подземнаго хода, коего тайный входъ мое дружество тебѣ повѣрило, онъ приведетъ тебя въ темницу, или лучше сказать въ полаты, гдѣ запертъ Морадъ. Прежніе владѣтели замка взирали на оныя какъ на последнее убѣжище отъ насильствующей власти, и по тому въ спокойностяхъ онаго и украшеніяхъ были расточительны. Ты найдешь тамъ, что моя единственная лютость противу Морада оказана, только въ лишеніи его вольности, или лучше сказать, огорчали его одни взоры ненавидимой Гульруцы.

Покажись ему его освободительницею: отведи его къ Сафирѣ, подтверди, что от-

откроетъ онъ ей въ разсужденiи моего пола; помоги имъ мгновенно бѣжать отъ меня, и притворись охотною проводить ихъ въ семъ бѣгствѣ, чтобъ избавиться отъ моего мщенiя.

Я между тѣмъ буду имѣть бодрственное око за Сагебомъ, и искать удалить его отъ мѣста сего произшествiя. Сафира избавится чрезъ то болѣзненнаго сраженiя любви и чести; а Сагебъ, коего добродѣтель часто побѣждалась страстiю къ ней, подвергнется разуму. Гульруца таковымъ образомъ можетъ еще получить щастiе, для коего она лишается преимуществъ вкушаемыхъ скрытiемъ ея пола, и твоему поспѣшествовать со всею нѣжностiю дружбы.

И такъ заподлинно сердце женщины, открывающее мнѣ довѣренность? сказала Маана измѣнившимся голосомъ.

Ощущай естьли можно чрезъ сiи груди, отвѣтствовала Гульруца, и увѣрь себя его чистымъ признанiемъ.

Умри вѣроломный, вскричала Маана, умри и загладь тѣмъ мое и твое преступленiе.

При словахъ сихъ бросился я на яростную невольницу; но ударъ уже совершился. Поздно вырвалъ я кровавый кинжалъ

жалъ изъ измѣннических рукъ, и она ушла осыпавъ меня проклятіями.

Я взялъ Гульруцу на руки, и вынесъ съ наступившею тогда зарею, изъ грота. Я развязалъ мой турбанъ, чтобъ остановить токъ крови ея, какъ сто вооруженныхъ невольниковъ съ ужаснымъ крикомъ меня окружали. Маана ободряла ихъ бѣшенство, называя меня убійцею моего благодѣтельнаго угостителя, и ихъ милостиваго господина.

Какъ ни смутила меня безстыдная ея клевета, но не преставалъ я оказывать помощь опроверженной ею въ слѣпой ярости Гульруцѣ; тогда увидѣлъ я въ трепетѣ приближающуюся Сафиру; ужасъ и сожалѣніе мѣшалось во взорахъ ея. Во время приближенія моего къ ней, не смотря на препятствіе невельниковъ, запирающихъ мнѣ путь, для открытія сей ненавистной тайны, повелѣла она имъ, отвесть меня въ мрачнѣйшую темницу каменной горы лежащей въ нутри замка.

Тщетно противилась Маана ищущая ускоренія моею смертію сему приговору. Сожалѣніе и почтеніе учинили всѣхъ сердца подвластными Сафирѣ, напротивъ безстыдная невольница имѣла мало друзей.

Та-

Таковымъ образомъ избавленъ я ищущихъ моего погубленія, но кровожадливыя ихъ сабли, не толь были остры, какъ слова Сафирины.

Ты, который подъ личиною чести и великодушія скрылъ твои подлыя и злобныя намѣренія, вскричала она, спрячься отъ стыдящагося дня, поди въ бывшее жилище тигровъ, коихъ превозшелъ лютостію, и ожидай за злодѣяніе твое, изобрѣтеннѣйшихъ мукъ.

На сіе поносительное укореніе отвѣчалъ я крикомъ: добродѣтель можетъ предательствована быть и невининость терпѣть. Но мстящее правосудіе острятъ уже стрѣлы свои противу нещастной, коя свое уголовное преступленіе умножаетъ позорною клеветою.

Больше не могъ я сказать. Произительный крикъ Мааны и шумъ прочихъ невольниковъ помѣшалъ мнѣ, чтобъ меня слышали, и при повтореніи Сафирою приказа отвлеченъ въ пещеру. Тамъ остался я, можно сказать, въ страшномъ уединеніи, естьлибъ не была при мнѣ невинность и препорученіе въ волю всемогущаго. Оба вѣрныя сіи спутники, коихъ утѣшеніе ни злость ни насильство у насъ похитить не могутъ, подкрѣпляли мой

сра-

сраженный духЪ; вЪ прочемЪ бы помышленіе о запачканной срамомЪ смерти легко опровергло человѣческое бодрствіе.

Когда я вЪ разсужденіяхЪ моихЪ выговорилЪ имя Сафиры, остановленЪ былЪ я незнакомымЪ голосомЪ, впадшимЪ ко мнѣ сквозь разселину пещеры; которой говорилЪ ко мнѣ слѣдующее.

Спѣши великодушный СагебЪ, спѣши свободить Морада, и пріобрѣсть вЪ немЪ себѣ новаго друга. Слѣдуй Сафирину предводительству, то сабли наши отверзутЪ намЪ путь сквозь стражу сего ненавистнаго замка, или отмстятЪ любви достойнѣйшую и жестоко обиженную женщину вѣроломной Гульруцѣ.

Гульруца сЪ лишкомЪ наказана, отвѣчалЪ я, тщетно жертвовать Сагебу жизнію своею ко освобожденію Морада; ибо онЪ самЪ несправедливымЪ образомЪ заключенЪ. ВЪ мгновеніе, когда предалЪ онЪ себя сожалѣнію, не остерегся онЪ измѣны, и не вооружился противЪ силы. Скажи мнѣ между тѣмЪ, коимЪ средствомЪ я могу притти кЪ тебѣ; дабы мы соединясь, скорѣе могли достичь свободы.

Предпріятіе трудно, по недостатку нужныхЪ кЪ произведенію сего орудіи, гово-

говорилъ Морадъ; но естьли милостивое небо подкрѣпитъ твои силы, удастьса намъ.

Въ Восточной части пещеры есть потаенная дверь, сквозь кою, можетъ быть, мы дойдемъ другъ друга.

Я возложилъ надежду мою на силу, о которой говорилъ Морадъ, и отворотилъ тяжелой камень. Въ ту минуту былъ онъ въ моихъ объятіяхъ; но какъ выходъ пещеры нашли мы крѣпко запертъ, вывелъ онъ меня темнымъ и изкривленнымъ ходомъ въ великой залъ, коего драгоцѣнныя уборы отражали свѣтъ многихъ кристальныхъ лампадъ, висящихъ на потолокѣ, и не токмо ясное пламя производящихъ, но и пріятной запахъ разпростирающихъ. Мы сѣли на богатую софу; почтеніе наполнило откровенность, свойственную старому дружеству, и мы разсказали взаимно приключенія, подавшія случай къ нашему стеченію.

Благородное Морадово сердце не могло удержаться отъ сожалѣнія о плачевной судьбѣ Гульруцы; мое, которое не было столь великодушно, ощущало между тѣмъ прискорбіе неудачнаго ожиданія, когда я свѣдалъ, что таинство, кое мнѣ

Сафира открыть хотѣла, не въ томъ состояло, какъ уповала моя порочная надежда.

Сафира въ замѣшательствѣ прошедшаго дня потеряла любимую свою собачку; искавъ ее, дошла она пещеры, и услышала жалобы Морадовы; и въ краткомъ разговорѣ открылись и объяснились о ненавистномъ таинствѣ судьбы своей; Сафира приложила мнѣ великія похвалы, и обѣщала Мораду уговорить меня, чтобъ снялъ я на себя его освобожденіе.

Когда Морадъ окончалъ свое повѣствованіе, вскричалъ я: и такъ оклеветаніе подлой невольницы затмило господственное сіяніе, въ каковомъ Сафира разумѣла Сагеба! Тако прогоняетъ изъ дебелыхъ паровъ земли возстающая непогода орла отъ свѣтлыхъ лучей солнца.

Будь справедливъ, сказалъ мнѣ Морадъ, разумѣй жестокое въ словахъ Сафиры, яко умноженное выраженіе особы, неумѣющей притворствовать, и считающей, однако то за нужное. Сафира предварена мною о полѣ Гульруцы и о любви Мааны къ мнимому Азару, она увѣряется въ томъ конечно; но можно ли въ мгновеніе слабую и предразсудками объятую мысль извлечь отъ мечты. Она

видѣла, что лукъ опасности напряженъ на тебя, и думала, что стрѣла притворнаго ея гнѣва, можетъ быть, спасетъ тебя отъ своеполезной злости и слѣпой ревности. Она послала тебя въ пещеру, гдѣ я тебя дожидался въ надеждѣ, что мы отвратимъ препятствіе, насъ раздѣляющее, и совокупно защитимся, когда она явно за тебя вступаться не можетъ.

Я съ радостію пріемлю твое великодушное утѣшеніе, сказалъ я Мораду, истинное дружество, лутшая замѣна неудачной любви; да, естьли позволишь ты мнѣ, наложить себѣ священное имя друга, кленусь тебѣ, что само завидное Сафирою овладѣніе не поколеблетъ меня опровергать изреченное почтеніемъ и склонностію.

Равныя чувствованія влагаютъ въ меня равныя намѣренія, подхватилъ Морадъ; но я предвижу, что должно мнѣ выдержать болѣзненный опытъ. Довольно вѣдаю я, что право мое на Сафирино сердце основано на дѣтскомъ повиновеніи, и я охотно уступаю оное, когда твое, какъ чаю я, произошло отъ склонности.

Я расположенъ былъ дать свободное теченіе моей благодарности, но услыша-

ли мы, очень знакомымЪ голосомЪ произнесенныя слова сіи.

Окончайте ненавистный вашЪ спорЪ, ни кто изЪ васЪ не будетЪ владѣть Сафирою. Щестіе недостанется вЪ часть сердцу, неимѣвшему жалости кЪ Гульруцѣ.

Это сама Гульруца, вскричалЪ МорадЪ, и отдернулЪ багряный занавесЪ, скрывающій дверь, выработанную изЪ выясненной стали сквозными рѣшетками.

Какая непріязненная сила, вопіялЪ я сЪ моей стороны, позволяетЪ мертвымЪ возвращаться изЪ пропасти, насЪ отлучающей, дабы гнать невинность? —— НѣтЪ, подЪ видомЪ сего страшнаго лица, зримЪ мы не ложно настоящаго Азара.

ТакЪ, я оскорбленный человѣкЪ, котораго ты имянуешЪ, отвѣчалЪ АзарЪ, я оскорбленЪ собственнымЪ своимЪ неразсудкомЪ, что дозволилЪ сердцу женщины, предоставленному людской превратности, собственную надЪ нимЪ власть. Но какЪ изЪ подслушаннаго вашего признанія познаю, что честь нещастной сестры моей осталась непорочна, то не должно вамЪ доброе имя ее попирать ногами, ни поносить хладный ея прахЪ.

Окон-

Окончавъ сіе ушелъ онъ, оставя насъ въ безмолвномъ изумленіи.

Теперь, сказалъ Морадъ, не должно намъ при видимой опасности быть празднымъ: хотя я тщетно искалъ дверей, выводящихъ къ ближнему лѣсу, коими вошелъ я въ сіе мѣсто, когда меня подложное посланіе отъ Сафиры обмануло; но можетъ быть двое будемъ мы въ томъ щастливѣе, или найдемъ другой выходъ, такъ какъ изъ пещеры, про который безъ сумнѣнія Гульруцъ сама незнала. Сафира требуетъ нашей защиты, она предоставлена мщенію неистоваго Азара.

Или любви его, примолвилъ я вздохнувъ.

Воспаленны сими двумя печальными предусмотрѣніями, провели мы цѣлыя три дни въ безплодныхъ поискахъ. Увидѣвъ невольника, подающаго намъ сквозь желѣзную дверь пищу, рождалась и упадала надежда наша попеременно; напослѣдокъ нашли его мы, къ прозьбамъ нашимъ толь же нечувствительна, какъ каменную гору, въ которой были заключены.

Морадъ по долговременному пребыванію при дворахъ, вѣдалъ, что своекоры-

рыстныя сердца не трогаются ни благопристойностію, ни жалостію; и такъ употребилъ онъ средство, кое удобно повредить весь родъ человѣческій; онъ обѣщалъ золото; но и сей металлъ, коего блескъ къ толь многимъ злодѣяніямъ влечетъ, потерялъ въ семъ не умолимомъ невольникѣ свое дѣйствіе. Сафирино состояніе осталось намъ несвѣдомо; даже что и о Гульруцѣ спрашивая, не получили отвѣта; ибо, хотя и видѣлъ я смерть простертую надъ главой ея, но можно было надѣяться и выздоровленія.

Какъ время, по обыкновенію, возвратило намъ полное употребленіе разума, предали мы страхъ и упованіе наше въ руци провидѣнія, и искали печальные часы уяснить разумными разговорами.

Морадъ имѣлъ преизрядное понятіе о человѣческихъ мысляхъ, а я упражнялся въ свободныхъ наукахъ: и такъ наставляли мы другъ друга, и научались взаимно. Въ повѣствованіи моемъ удивлялся онъ больше моему совершенному убѣжанію изъ сѣтей Зороастровыхъ, чѣмъ дерзости, меня во оныя повергшей.

Ты оказываешъ великое пристрастіе ко мнѣ, сказалъ я ему, естьли извиняешъ погрѣшность мою; я довольно видѣлъ

дѣлъ опасность. Я зналъ, что суевѣріе есть чудовище совсѣмъ инаго свойства, противу всѣхъ дикихъ тварей; ибо коль страшно оно въ рожденіи, толь презрѣнія достойно въ возрастѣ; время притупляетъ его убійственныя когти, и обращаетъ тонкій, проницающій пламень его дыханія, во вредный дымъ, на самаго онаго упадающій.

И такъ ты держишъ сіе описаніе, говорилъ Морадъ съ улыбкою, защитъ непроницаемый. Нѣтъ, примолвилъ онъ, сила воображенія написуетъ предмѣты толь твердыми красками, что разумъ нашъ, въ случаѣ обращенія на оныя нашего примѣчанія, очень часто впадаетъ въ оковы любви или страха. Кисть разума предлагаетъ гораздо искреннѣйшія и не столь опасныя представленія. Человѣкъ любитъ новость; въ цвѣтѣ юности гоняется и ловитъ онъ оную желательно; и часто хватаетъ лишъ тѣнь ея, когда уже жизнь его къ концу наклоняется. Размышленіе прогоняется, предразсудокъ занимаетъ его мѣсто, и препровождается упорствомъ. Когда гордость невѣжества возвысится гоненіемъ, то нѣтъ уже средствъ, кромѣ дать ей состарѣть,

поneже тѣмъ только можно свободиться сего потомства.

Какъ нашъ премудрый Царь увѣренъ въ сихъ истиннахъ, то пускаетъ мимо глазъ только старыя заблужденія, но новымъ ученіямъ Зороастра сильно противиться: однакожъ никогда невооружилъ противу ихъ силу власти, только изгоняетъ учениковъ сего обманщика отъ двора; чрезъ что противуставитъ страсть страсти: а потому мало честолюбивыхъ будетъ ревнительныхъ къ толку, который не столько имѣетъ знаменитости, чтобы явно за оный наказывали. Къ нещастію нашей дражайшей Сафиры, родители ея надлежатъ къ малому обществу неразсудныхъ. Они предались заблужденію, и лишили чрезъ то ее природнаго покровительства, и ты - - - - заслуживаешъ побѣдою надъ онымъ, спасти сію цвѣтущую розу, доколь она неувяла.

Таковыми разговорами раздѣляли мы время, и уже прошелъ цѣлый мѣсяцъ, что мы наши обыкновенныя исканія выхода темницы безъ пользы производили, какъ возмущены мы были отвореніемъ желѣзной двери. При неожидаемомъ стукѣ обнялъ меня Морадъ, обнажилъ свою саблю, далъ мнѣ свой кинжалъ, и сказалъ:

Иди

Иди любезный другъ! продадимъ дорого невинную кровь нашу.

Въ таковомъ намѣреніи шли мы впередъ, но увидя Сафиру, только двумя невольниками провождаему, уронили изъ рукъ оружіе. Взоры наши питались на прекрасномъ лицѣ ея, и сердца наши трепетали отъ несказанной радости; между тѣмъ вошла Гульруца. Она въ обыкновенномъ платьѣ пола своего казалась полнымъ мѣсяцемъ на ясномъ небѣ; провождалъ ее почтенный мужъ, въ коемъ Морадъ узналъ отца Сафирина.

Вскорѣ за тѣмъ слѣдовалъ Азаръ, который поспѣшными шагами и съ гнѣвнымъ видомъ приближился къ Мораду. Смотри, глупый Морадъ, сказалъ онъ, обѣихъ сихъ дѣвицъ, коимъ природа толь равно раздѣлила дары свои, что безпристрастный цѣнитель не можетъ рѣшить о нихъ выбора. Одна предмѣтъ твоей любви, незаплаченной любви, а другая несправедливой ненависти. Освободи въ сіе мгновеніе Сафиру отъ обязательства ея обѣщанія, она должна соединиться съ Сагебомъ, къ коему открыла склонность; пріими вѣрную Гульруцу, которыя сердце всегда въ любви къ тебѣ было постоянно, и только отъ жи-

ваго воззрѣнія на Сагеба измѣнилась, въ случаѣжъ противленія твоего, вѣчное заключеніе будетъ казнь твоя.

На слова сіи искалъ Морадъ съ запальчивостію, явственно на лицѣ его оказавшеюся, брошенную свою саблю, но увидя, что взята оная невольникомъ, здѣлался онъ какъ левъ, коего ярость еще возрастаетъ, когда найдетъ себя запутанна въ сѣтяхъ охотничьихъ.

Азаръ, сказалъ онъ, твоя вѣроломная сестра могла бы удержать тебя отъ толь подлыхъ угрозъ. Коликократно омывала она слезами своими желѣзныя двери, служившія ей защитою отъ гнѣва моего, сколько разъ обѣщала она отворить оныя, хотя я малое окажу согласіе къ презираемому согласію, кое ты мнѣ предлагать дерзаешъ; когда я къ полученію моей вольности ни на минуту не хотѣлъ притвориться, хотя обманъ истинная есть мзда измѣнѣ, то какъ ты думаешъ, что покорюсь я твоимъ подлымъ угрозамъ? Нѣтъ, смерть и темницу предпочитаю я Гульруцѣ. Можетъ ли какая изъ дерзкихъ женщинъ, испытавшая подобную судьбу, и презираемая мущиною, употреблять иныя оружія, кромѣ приличныхъ полу ея, кро-

тости и благонравія. Напротивъ щастіе не долженствуетъ ли быть наградою Сафириныхъ пріятныхъ добродѣтелей! Я оставляю ее Сагебу, и естьли только могу соединить руки обѣихъ сихъ предметовъ любви моей и дружества, презираю потомъ жестокія удары злобы и мщенія.

Морадъ изрекъ сіе съ жаромъ, Азара и Тулруцу приведшемъ въ замѣшательство; онъ приближился къ Сафирѣ, взялъ прекрасную ея руку и хотѣлъ вложить въ мою, какъ отецъ Сафиринъ ставъ между ихъ, сказалъ:

Государь мой! удержи токъ поспѣшнаго и неодуманнаго твоего великодушія. Сагебъ долженъ прежде произвесть справедливое дѣяніе, нежели соглашусь я на соединеніе его съ Сафирою: онъ долженъ загладить поношеніе, оказанное имъ святому Зороастру, признать святость его ученія, и принять его вѣру, и тогда помышлять о бракѣ съ нею.

Румянецъ гнѣва покрылъ лицѣ мое, и предвѣщалъ ему отвѣтъ мой, какъ Зороастръ самъ показался. Во взорахъ его была притворная умѣренность, и принужденное дружелюбіе сидѣло на устахъ его.

Я отвергаю твою неразсудную ревность, сказалъ онъ отцу Сафирину, истинна не требуетъ подпоры искушенія. Я отпускаю дорогому моему Сагебу поползновеніе, отъ предразсудковъ воспитанія произшедшее; и естьли дастъ онъ обѣщаніе пробыть у меня шесть мѣсяцевъ, чтобы я исподоволь могъ доказать ему заблужденіе его, то дарую его сею вольностію Сафиры и Морада.

Тутъ остановленъ былъ Сагебъ восхищаніемъ царевича Церира.

Коль часто неразсудно бываетъ коварство! коль щастливъ былъ ты Сагебъ, имѣя возможность овладѣть божествомъ души твоей, и освободить своего друга соглашеніемъ на прозьбу, готовящую тебѣ новое торжество, и новый стыдъ обманщику.

Я такъ же бы, какъ и ты думалъ, сказалъ Сагебъ, естьли бы справедливая недовѣренность къ самому себѣ память прошедшей опасности не умножила, и не противу стала любви, гордости и самому священному дружеству; когда бы благовремянно не извѣдалъ я, что малѣйшая нерѣшимость въ вещи справедливости измѣна есть, и отдается въ казнь лжи. Между тѣмъ должно при-

признаться, предолжалъ онъ, что боязненное самосраженіе длилось нѣсколько мгновеній; ибо основанія, говорящія за мои желанія, были очень явны, и чрезъ побужденіе страстей сильный перевѣсъ получили. Но по щастію обратилъ я тогда глаза мои на Морада; я видѣлъ, какъ его блистали гнѣвомъ за мою подлую нерѣшимость. Его великодушное намѣреніе, означенное во всѣхъ чертахъ его, возвратило меня на путь. Предложеніе дѣлаемое мнѣ его взорами, оживило меня, примѣръ добродѣтелей его воспламенилъ меня, и я вскричалъ: Зороастръ! я отвергаю твои обманчивыя предложенія; ибо добродѣтельная и любви достойная супруга, и дорогій и достойный другъ престають быть величайшими сокровищами, когда совѣсть за достиженіе и сбереженіе оныхъ долженствуетъ платить порочную цѣну. Ни когда слухъ мой не заразится соглашеніемъ сердца моего съ ядовитымъ дыханіемъ безбожія, ни когда твое гнусное кумирослуженіе, твой суевѣрный огонь не оскорбитъ паки очей моихъ.

Я никогда, прервалъ слова мои Зороастръ, сложившій всѣ притворства, и пѣнящійся злобою, никогда ни востор-

жествуешь ты новымъ симъ хуленiемъ. Азаръ, продолжалъ онъ, возми Сафиру отъ руки моей, и въ награду рѣвности твоей въ разпространенiи истинной вѣры, которой жертвовалъ ты своею любовiю, хочу я возвысить сестру твою честiю моего ложа. Мы будемъ торжествовать браки сiи во очахъ сихъ окаянныхъ защитниковъ мнимыя правды.

Да —— естьли они въ томъ не воспрепятствуютъ тебѣ, вскричалъ Морадъ; когда лицемѣрство и подлость дерзнутъ выдержать ярость истинны. Сказавъ сiе вырвалъ онъ у близъ стоящаго невольника саблю; а я послѣдовалъ его примѣру.

Азаръ съ толпою невольниковъ своихъ началъ уступать намъ, сталъ за желѣзныя двери, и противился, хотя нашей запальчивости, но слабо, какъ Зороастръ возвысилъ голосъ и сказалъ; тебѣ святый огнь оставляю я казнь сихъ хулителей! лиши ихъ сiяющаго твоего излiянiя, и повергни въ сiе мгновенiе во тьму вѣчную.

По словахъ оныхъ покрылъ насъ густой туманъ, и загасилъ всѣ лампады: земля разверзалась подъ нашими ногами, и казалось, что мы низпали въ пропасть.

При-

Пришедъ въ себя, нашлись мы по поясъ зарытыя въ песку, и въ толь низкомъ мѣстѣ, что головы поднять не могли прямо. Но мы были вмѣстѣ, и Морадъ схватилъ меня за руку.

Сколь мало, сказалъ онъ, разумѣетъ по щастію злый смыслъ о истинномъ добрѣ! соединеніе съ другомъ, хотя бы было то въ смерти и гробѣ, есть утѣха, подлымъ и злонравнымъ неизвѣстная.

Да, отвѣчалъ я, они не понимаютъ, что безопасность, равно какъ великодушіе, отъ дружества сообщаются взаимно.

И отважность равномѣрно, примолвилъ Морадъ. Предъупредимъ сей страшный ужасъ смерти, къ коему осуждены мы. Доколь млеющая природа не затмитъ нашъ разумъ, и неослабитъ взаимную нашу склонность, пролiемъ собственными руками, еще кипящую чистыми и благородными намѣреніями кровь нашу, прольемъ ее предъ тѣмъ, который далъ животъ намъ, и владѣетъ нашими днями, противу воли тѣхъ, кои присвояютъ себѣ власть его.

О другъ мой! отвѣчалъ я, какъ можешь ты въ одно время сію вышнюю силу признавать и отвергать? Естьли она

не опредѣлила еще насъ къ смерти, то вся злость созданныхъ существъ на жизнь нашу слаба; и вѣдаешь ли, что можетъ въ сіе уже мгновеніе легіоны Ангеловъ, ожидающихъ его повелѣній, разсѣкаютъ быстрыми крылами своими дрожащій воздухъ, къ намъ спѣша на помощь. Помысли, что покореніе воли небесъ всегда сопровождается спокойствомъ, раскаяніе напротивъ неразлучный спутникъ отчаянія; дай мнѣ нещастное оружіе, коимъ вооружилъ ты себя къ справедливому защищенію; ибо хотя и увѣренъ я, что притупится оно невидимою рукою, когда точная воля Всевышняго владѣтеля желаетъ спасти насъ, но я не могу выдержать помышленія, чтобъ возможно было мнѣ замараться дражайшею твоею кровію.

Морадъ, тронутый моимъ состраданіемъ, предался моимъ прозьбамъ, и былъ тотчасъ награжденъ за дружеское свое повиновеніе.

Вдругъ двери отворились, и Гулруца стояла предъ нами съ Фанеломъ.

Морадъ, сказала она: для вольности, которую тебѣ возвращаю, для друга, коего пріобрѣлъ ты чрезъ дѣйствія слѣпой страсти моей, прости мнѣ изступленія, справедливо тобою проклинаемыя.

Сагебъ, взирай на сіе, какъ на знакъ благодарности моей и признанія —— ты ославилъ ударъ, направленный въ сердце мое, ты учинилъ убійственной поднятой на меня рукѣ остановку. Не причитай мнѣ, чтобъ я толь худо заплатила твои ласки. Братъ мой посланъ былъ отъ Зороастра, гнать тебя; я сообщила ему о нещастномъ случаѣ истинное извѣстіе, я учинила въ преступленіи моемъ чистосердечное признаніе; но ложная гордость, любовь, и болѣе, нежели все то суевѣрство, сдѣлали его неправеднымъ. Между тѣмъ не безпокойтесь о Сафирѣ, Гульруца удержитъ привыкшую къ ней отвагу, доколь она противу всѣхъ, которыхъ вы оскорбили и обругали, найдется въ безопасности, и прежде умретъ, нежели допуститъ ее быть жертвою жестокости.

Сказавъ сіе, вывела она насъ путемъ, котораго мы толь долго тщетно искали, въ лѣсъ. Тамъ оказали мы ей обязанную благодарность и разстались.

Мы спѣшили въ Гератъ, откуда Морадъ послалъ искуснаго и вѣрнаго невольника примѣчать, что произойдетъ въ замкѣ. Сей привезъ намъ пріятное извѣстіе, что Сафира и Гульруца въ ночь нашего освобожденія ушли; и Азаръ, который объявя себя

сообщникомъ Зороастра, не могъ показываться явно, разослалъ невольниковъ искать насъ, подозрѣвая, что мы находимся вмѣстѣ съ ушедшими.

Когда безбожіе удерживается броздами страха, тогда оно опаснѣе, нежели въ свободномъ своемъ теченіи; оно по тому часто изобрѣтаетъ средства, коихъ и предвидѣть не можно, для сего просилъ я Морада оставить Гератъ, и путешествовать со мною. Въ началѣ представленія мои были безполезны. Огонь гнѣва пылалъ въ его сердцѣ, и онъ не издыхалъ, кромѣ страшнаго мщенія.

По чему искалъ я напасть на него съ стороны великодушныя гордости. Враги наши, говорилъ я, довольно подлы, чтобъ можно было ожидать отъ нихъ соразмѣрнаго чести удовлетворенія, и много думать, чтобъ предать ихъ въ руки власти. По тому останемся мы въ опасности тайнаго поиска измѣны, но гораздо благоразумнѣе сдѣлаемъ, оставя зло собственному грызущему помышленію, и ярость безплодныхъ поисковъ въ сердца сихъ нечестивыхъ. Мы теряемъ надежду, видѣть когда нибудь Сафиру; а можетъ быть благосклонное щастіе или провидѣніе доведетъ насъ къ ея пребыванію. Я

Я уступаю твоимъ убѣдительнымъ основаніямъ, другъ мой! отвѣчалъ Морздъ. Наказаніе Зороастра и Азара купится дорого, естьли будетъ намъ стоить хотя малаго стыда, или когда противосмѣнить тому защищеніе любви достойной Сафиры, и, можно прибавить, и великодушной Гульруцы. Послѣднѣе добродѣтельное дѣйствіе сей нещастной сестры Азаровой, очистило для ней мѣсто въ моемъ сердцѣ, которымъ владѣла она во время, какъ пріятнымъ и кроткимъ обхожденіемъ подъ имянемъ брата своего сыскала мое дружество. По истиннѣ Гульруца есть достопамятный примѣръ, что возвышенная душа, хотя овладенна будетъ жестокостію страстей, но ненадолго останется въ паденіи, и часто совсѣмъ неожидаемо, возсіяетъ новоожившленными лучами.

Какъ Локманъ повелѣлъ мнѣ посѣтить Королевство Туранъ (*), то обра-

 тили

(*) *Великое и прекрасное Королевство Туранъ, кое отъ Грековъ, Согдіана называется, надлежало прежде въ Персидской Монархіи, но отдѣлено отъ онаго Царемъ Ферудуномъ, при раздѣленіи обширнаго владѣнія своего между сыновей*

шили мы во оное путь нашъ въ препровожденіи нѣсколькихъ избранныхъ невольниковъ, неоставляя дорогою освѣдомляться о Гульруцѣ и Сафирѣ.

Надежда наша найтить сихъ прекрасныхъ бѣглянокъ во время пути, не вовсе была не основательна. Гульруца могла разумно заключить, какъ заблужденіе Зороастрово разпространилось въ Иранѣ, то оставалась опасность, въ которомъ бы мѣстѣ сего Королевства ни избрала она себѣ прибѣжище, встрѣтиться съ измѣнниками; напротивъ Туранцы питали великую ненависть къ мнимому пророку древнихъ своихъ непріятелей, и можно было у нихъ жить безопаснѣе.

Сіе національное огорченіе усмотряется отъ нѣкоторыхъ за преграду, не допускающую сообщать другъ другу своихъ пороковъ. Но какъ можетъ вещь сама по себѣ злая, произвесть нѣчто дѣйстви-

его. Сей раздѣлъ былъ источникъ вражды между Иранцовъ и Туранцовъ, производящихъ имянованія свои отъ Королей Ирага и Тура, и коихъ взаимная ненавистъ тѣмъ была закоренѣлѣе, что утверждалась на точныхъ и продолжительныхъ обязательствахъ.

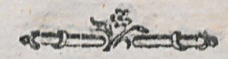
ствительно доброе? Можетъ ли змѣя высидѣть голубей? Самое имя враговъ остритъ жало подражанія, а сіе подражаніе въ человѣческомъ родѣ вообще есть зависть, и обыкновенно прилепляется къ худымъ предмѣтамъ, кои суть истинная ея пища. Когда по тому страна каковая видитъ у другой, которая ей противится, возстающія новыя пороки или глупости, съ начала сильно вопіетъ противу оныхъ, но ненадолго, и выводитъ сама на свѣтъ чудовище, еще мерзостнѣйшее ею проклинаемаго.

Продолжительныя и жестокія войны между Ирана и Турана доставляютъ намъ многія примѣры сего рода. Однако тогда, какъ мы съ другомъ моимъ переправлялись за рѣку Геонъ (*), жили они въ мирѣ.

Едва вступили мы въ неизмѣримую долину Маваннахаръ, то нашли подтвержденіе пословицы: когда ястребъ съ орломъ живутъ въ мирѣ, то на самихъ себя обращаютъ свои кохти.

Сія пріятная долина не имѣла уже слѣдовъ естественныя своей прелести;

(*) *Рѣка Геонъ есть древній Оксъ, которую Греки часто называютъ Бактромъ.*

журчащія ея потоки не могли украшаться чистою водою, оживлявшею цвѣтущіе берега: изобильное дно не являло уже всегда зеленѣющихся и свѣжихъ ковровъ, она текла кровію, и покрывалась растерзанными человѣческими тѣлами.

Освѣдомляясь о причинѣ сего ужаснаго позорища, узнали мы, что взбунтовавшіеся подданные востали противу Государя, и что по нѣсколькихъ жестокихъ сшибкахъ на Парасангу отсюда разстояніемъ, произходитъ рѣшительное сраженіе.

Юныя сердца наши воскипѣли желаніемъ чести, мы поспѣшили на побоище, и прибыли въ самое то мгновеніе, какъ войско Королевское пришло въ замѣшательство, и самъ онъ окруженный непріятелями, въ крайнѣйшей былъ опасности, потерять жизнь или свободу.

Сабли наши отверзли намъ путь, мы приближились къ малому числу ратниковъ, защищающихъ своего Монарха, и Морадъ кричалъ онымъ:

Государь! крылѣ побѣды распростерты надъ священною твоею главою: пришла помочь отъ Ирана. При семъ возглашеніи, подтвержденномъ нечаяннымъ нашимъ прибытіемъ, бунтовщики объя-

пты

шія поразительнымъ страхомъ, начали отступать, вѣрныяжъ подданныя напротивъ почерпнули новую смѣлость, и съ двойною отважностію возвращались на битву.

Морадъ ощутивъ щастливую удачу своего обмана, повторялъ радостную вѣсть сію по всѣмъ взводамъ, остановилъ бѣгущихъ и предводительствовалъ ими съ храбростію славнаго Рустема.

Какъ Король не совсѣмъ еще освободился отъ разъяренныхъ враговъ своихъ, то я сражался близъ его, и имѣлъ троекратное щастіе, защитить его отъ опаснѣйшихъ нападеній; Морадъ подоспѣлъ къ намъ вскорѣ, преслѣдовалъ съ своими выгодами, и одержалъ совершенную победу. Иныя возмутители спаслися бѣгствомъ, прочіяжъ положили оружіе, просили пощады, и выдали взятыхъ въ плѣнъ, между коими находился Везирь предводительствовавшій войскомъ.

Король Афрасіабъ, торжественно входя въ городъ Цаминъ (*), нашелъ, что сею нечаянною щастія перемѣною долженъ только одному Мораду и мнѣ, по

(*) *Въ окрестностяхъ Цамина собираютъ лучшую манну изъ всей Азійской.*

чему взиралъ на насъ, какъ на существа чрезъестественныя. Но какъ мы съ великимъ трудомъ избавили его отъ сей ошибки, то благодарность его была безпредѣльна. Однакожъ сердце его имѣло ко мнѣ нѣкоторое пристрастіе; онъ почиталъ въ Морадѣ своего благодѣтеля, но меня любилъ, какъ друга.

Преизящныя свойства сего Государя учинили мнѣ Монаршую его щедроту драгоцѣннѣе: равность возраста и нравовъ произвели тотчасъ довѣренность, рѣдко случающуюся между Государемъ и частнымъ человѣкомъ. Великодушный Морадъ радовался о моемъ возвышеніи, которое однако неусыпляло моего разума, коль ни нравилось моей суетности. Можетъ охраняла меня только любовь къ Сафирѣ, коею сердце мое было занято, и по которой вздыхало; отъ сего скрытаго камня честолюбія, можетъ быть, недостигъ я еще тѣхъ лѣтъ, чтобъ найтить оное толь опасно, каково оно въ среднемъ возрастѣ. Но какъ сладкое куреніе ласкательства безпрестанно окружало меня; какъ блистающія лучи славы сіяли надъ моей главою, думалъ я, находить себя щастіемъ моимъ восхищенна; и сіе мнѣніе предоставило меня новымъ

искущеніямЪ, но кои гораздо были легче всѣхЪ до толь мною выдержанныхЪ.

Молодая Королева при гордости красоты, имѣла желаніе надЪ духомЪ Короля супруга своего владѣть неограниченно; но сей соединялЪ весьма премудро угожденія, надлежащія кЪ нѣжностямЪ супружества, сЪ приличнымЪ Монарху постоянствомЪ. ОнЪ тогдашняго Везиря своего воздвигЪ вЪ сіе достоинство, не спрашиваясь сЪ честолюбивою Королевою, и нашедЪ онаго повѣренности своей достойнымЪ, поручилЪ ему мѣсто оное, на всѣ происки и обвиненія вЪ нещастливыхЪ происшествіяхЪ не взирая. Но какЪ кротЪ не можетЪ имѣть понятія о остромЪ зрѣніи орла, такЪ непостигаетЪ мрачность злобы проницанія премудрости, и приписываетЪ всѣ разумныя опредѣленія слѣпому случаю. Равно воображала Королева, что старая склонность вЪ сердцѣ Афрасіаба должна будетЪ уступить мѣсто новой; по чему думала она, вЪ склонности мною получаемой, и вЪ стремленіи кЪ нераздѣлимой власти, кое мнѣ присвояла, найти средство кЪ устроенію погибели Везиря; и безЪ сумнѣнія не была она безЪ надежды, вЪ одно время и мое опровержение на томЪ же пути установить.

 Но

Но поелику несчитала безопаснымЪ ввѣрить мнѣ тайну злаго своего предпріятія, то послала она любимца своего кЪ Мораду сЪ двумя начальниками войска, кои подтверждали, что Везирь предалЪ Короля измѣнникамЪ, и священную его особу предоставилЪ опасности, отЪ коей нами избавленЪ. Требовали отЪ меня, выслушавЪ сихЪ доносителей, быть при ихЪ допросахЪ, и употребить силу мою у Короля, кЪ совершенію достойнаго наказанія виновному Везирю.

Неудовольствіе мое при хладности, сЪ каковою мнѣ МорадЪ сообщилЪ доносЪ сихЪ недостойныхЪ представленныхЪ при томЪ клеветниковЪ, ни сЪ чѣмЪ не можетЪ сравниться, какЪ сЪ его изумленіемЪ, когда онЪ видѣлЪ сЪ каковою ревностію взялся я за толь постыдное дѣло.

По желанію моему допущены мы тотчасЪ предЪ Короля, коему я говорилЪ слѣдующее:

Сильный повелитель народовЪ, раздаятель благодѣяній небесЪ, и хранитель его правосудія, приклони милостивый слухЪ кЪ прошенію раба твоего. Ты видишЪ у престола твоего двухЪ доносителей на достойнаго Везиря, избраннаго твоею премудростію. Не дай свѣту, толь вы-

высоко поставленному тобою для освѣщенія народу твоему, помрачится отъ злыхъ паровъ ненависти, и позволь мнѣ власть, естьли не докажутъ они ясно своихъ доводовъ, наказать таковое великое преступленіе жесточайшими муками; но естьли рабы твои раскаются, прежде нежели святый воздухъ, тобою вздыхаемый, оскверится духомъ клевѣты ихъ, естьли признаются они въ таинствѣ неправды, то не уничтожъ сіи слабыя орудіи злости.

Когда Король далъ мнѣ знакъ о своемъ на то благоволеніи, обратился я къ онымъ трепещущихъ бездѣльникамъ, кои въ мѣсто чаемой во мнѣ подпоры, нашли строгаго судію, и сказалъ имъ: говорите смѣло истинну предъ вашимъ Монархомъ, живымъ изображеніемъ самаго Вышняго правосудія, и изреките сами собственный свой приговоръ.

Они ни чего не отвѣтствовали, но лица сихъ подлыхъ клеветниковъ изображали вину ихъ. По сему Король повелѣлъ намъ отступить, желая на единѣ оныхъ выслушать, но прежде велѣлъ возложить на нихъ тяжкія цѣпи.

Между тѣмъ приближился ко мнѣ Морадъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ,

ибо

ибо далъ онъ мѣсто скорому сумнѣнію о моихъ намѣреніяхъ, и обнялъ меня съ восхищеніемъ друга, радующагося о добродѣяніи своего возлюбленнаго.

Вскорѣ за тѣмъ позванъ былъ я къ Королю. Я нашелъ его одного лежаща на софѣ? Подавляемые его вздохи открыли мнѣ жестокое сраженіе въ груди его происходящее; нерѣшимость безпокойныхъ его мыслей, означивалась во взорахъ его. Какъ я стоялъ предъ нимъ погруженъ въ безмолвное сострадание, уяснилось лицѣ его, онъ подалъ мнѣ руку, и сказалъ.

О! могули я имѣть право желать благополучія? Не лишаетъ ли меня нещастное бремя Королевскаго достоинства имѣть истиннаго друга? Приди любезный Сагебъ, отвергнемъ глупое различіе, введенное властвующею гордостію и слабою подлостію между человѣковъ. Равность есть твердое основаніе взаимныя довѣренности; и что можетъ намъ доставить сіе утѣшеніе? Поистиннѣ! не верьхъ величества, окружаемый мрачными облаками прискорбій и безпокойства, онъ подобенъ славѣ неприступной горы обитаемой родомъ злыхъ духовъ. Еще я говорю; забудемъ сіи бѣдныя достоинства: садись ко мнѣ, и внимай жалобы мои.

Ты

Ты знаешь дикость народа, чѣмъ принужденъ я именовать моихъ подданныхъ. Сіи кровожадливые люди не могутъ инако жить, кромѣ какъ сражаясь и враждуя внѣ или внутри отечества. Не можно, что предки мои часто съ сосѣдними владѣльцами вели войны не праведныя, чтобъ только избавиться тѣмъ возмутительной страсти своихъ подданныхъ. Но я удаленъ сего порочнаго искуства-правленія. Когда угодно провидѣнію, предпоставить меня въ зараженную атмосферу, справедливо ли вносить ядъ свой въ чистѣйшіи воздухъ, одаренныхъ лучшимъ жребіемъ? Отнюдь нѣтъ. Хотя по тому въ малые годы моего владѣнія бунтъ, чудовище, часто зіялъ на меня страшною своею пастію, желая поглотить меня, но я однако, не находя законной причины, нападать на моихъ сосѣдей, не хотѣлъ лишить ихъ сладкаго покоя мира, для того единственно, что самъ онаго вкушать не могъ.

Возшедъ на престолъ, посвятилъ и себя лучше благодѣнствію моего народа, и даже жизнь мою онаго несправедливости; чѣмъ бы самому быть несправедливу; но не безъ огорченія приносилъ я ему сію жертву; я хотѣлъ сложить мое достоинство, ни

что

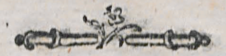
что кромѣ представленія Локмана не могло склонить меня подвергнуться волѣ небесѣ.

Многократныя побѣды Кайхозру усмирили Туранцовъ; съ благодарностію приняли они миръ, пожалованный имъ добродѣтельнымъ Логоразвомъ, они почитали престарелаго моего родителя, долговремянно сражавшагося съ щастіемъ и собственною склонностію, чтобъ только удовлетворить ихъ ненавистной охотѣ къ войнѣ.

Хотя нѣжная отрасль жизни моей произошла на суровомъ полѣ раздора и напоена была потоками крови, но цвѣты моихъ желаній жаждали росы просвѣщенія. Наука удержать человѣческую природу, казалась мнѣ гораздо предпочтительнѣе искуства оную повреждать.

Я открылъ сердцѣ мое тому преизрядному мужу, коего добродѣтели избавили вы, отъ вопля злодѣйскаго. Онъ привелъ меня къ многимъ геройскимъ дѣяніямъ: онъ обѣщался привесть меня къ источнику премудрости, великому Локману.

Необычайное спокойство, не вкушалъ Король отецъ мой; учинило его склоннымъ къ желанію моему, онъ далъ мнѣ на то соизволеніе свое но съ условіемъ,

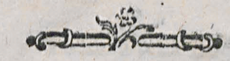
емЪ, чтобЪ между непріятелями содержалЪ я себя скрытно.

ВЪ слѣдствіе воли его, предпріялЪ и сію длинную ѣзду только съ моимЪ предводителемЪ вЪ препровожденіи нѣсколько невольниковЪ, и старался какЪ возможно вЪ проѣздѣ сквозь королевство ИранЪ миновать главныя онаго города.

КакЪ я вЪ НеменЪ прибылЪ прежде времяни, назначеннаго кЪ опыту Лавиринфа, то остался я вЪ ЛокмановыхЪ полатахЪ, и получилЪ склонность кЪ простой жизни, слышать премудраго, дѣлать разсужденія о словахЪ его — доставляло мнѣ удовольствіе, котораго воображаемый вкусЪ высочества никогда принесть не могЪ. УслышавЪ, что духи хранители отдали славный садЪ иремЪ (*) подЪ смотреніе Локманово, и могЪ онЪ дозволить мнѣ, провождать жизнь мою вЪ семЪ увеселительномЪ обиталищѣ, то помышленіе о толикомЪ благополучіи воспламенило мысль мою, попросить о семЪ, при назначеніи позволяемыхЪ ЛокманомЪ желаній.

Стро-

(*) Земный рай Азіатцовъ, который по ихъ преданію насажденъ Ангелами хранителями по желанію царя Шеддада.

Строгіи, однакожъ улыбкою сожалѣнія умягченный взглядъ, возвѣстилъ мнѣ несоглашеніе на оное премудраго, который отвѣчалъ мнѣ тако.

Принцъ! я оплакивалъ бы судьбу твою, ежели заключаемое небомъ не было за всегда лутшее. Свѣтская жизнь твой жребій. Родитель твой отшелъ отъ безпокойнаго позорища свѣта сего, ты долженъ заступить мѣсто его, и принять королевское достоинство. Содержи себя вѣрно, въ важномъ чинѣ тебѣ ввѣряемомъ, Правосудіе и милость да провождаютъ слезы твои на сей, терніемъ заросшей стези, которою ты пойдешъ, тогда достигнешъ ты сѣни, покоя и удовольствія, коя превосходнѣе самаго Ирема, и предоставленная въ награду испытанныхъ добродѣтелей.

Слова сіи приключили мнѣ неописанную горесть; съ слезами сыновней любви мѣшалъ я тѣ, коими себѣ долженъ былъ, разсматривая, что имѣю заступить теченіе, въ которомъ отецъ мой столь мало нашелъ покоя. Въ скорби сердца моего вопіялъ я: о! какъ возможно Всевышнему Существу, вѣдая коль трудно владѣть человѣку самимъ собою, дѣлать его вла-

дѣ-

дѣтелемъ надъ прочими? Божеское ли опредѣленіе Королевское Высочество?

Нѣтъ, отвѣтствовалъ Локманъ; разумъ долженъ быть естественный начальникъ человѣческаго рода, и онъ не можетъ насъ привесть въ заблужденіе, когда сообщено съ нимъ понятіе, что Всевышній видитъ наши дѣянія. Но какъ большая часть человѣкъ отвергла сихъ обоихъ не обманчивыхъ предводителей, то оставлены они начальству страстей своихъ; отъ нихъ бываютъ люди влачимы тяжкими цѣпями слѣпыхъ тирановъ, вмѣсто, чтобъ слѣдовать свѣтлыми шагами стопамъ ясныхъ своихъ предводителей. Между тѣмъ провидѣніе иногда посаждаетъ на престолъ мужа, премудростію одареннаго, и ктобъ былъ сей, надѣющейся получить отъ неба милосердіе, когда онъ противится быть орудіемъ, раздающимъ милости онаго? Возвратись въ государство твое, и вмѣсто, чтобъ желать свободы отъ безпокойства, желай лучше мужества и постоянства сносить оное. Но прежде, нежели ты отъѣдешь Принцъ, пріими обнадеженіе въ моемъ почтеніи, и всякой защитѣ, каковую только я тебѣ сообщить въ состояніи.

Положась на твердость сихъ обѣщаній, воззрѣлъ я на себя, любезный Сагебъ, и друга твоего Морада, яко на двухъ духовъ хранителей, посланныхъ ко мнѣ отъ Премудраго; а особливо когда мнѣ вспомнилось, что видѣлъ я васъ между юношами, кои, какъ ясныя звѣзды, блистали на ясномъ небѣ двора его, и казались небеснымъ воинствомъ,

Радость, съ каковою приняли меня мои подданные, не отвела ужаса сердца моего. Я зналъ довольно, что большая толпа всегда восхищается перемѣною; но мнѣ уже не оставалось ободрять опасности моего званія, но только должности онаго имѣть предметомъ примѣченія.

Хотя я ни малаго виду не замѣчалъ къ моему благополучію, но прилѣпился однако къ мыслямъ въ домашней довѣренности найти утѣшеніе: но и сіе чрезъ мое нещастное достоинство учинилось почти не возможнымъ; выборъ супруги былъ мнѣ труднѣе послѣдняго моего подданнаго.

Свѣдомо мнѣ было, что приказъ мой, подобно силѣ весенняго солнца, могъ садъ моихъ забавъ наполнить цвѣтами красоты; но скоро увядаетъ роза, и влю-

влюбленный соловей (*) находитЪ терніе тамЪ, гдѢ ожидалЪ удовольствія.

Что лежитЪ до совершенствЪ нрава, источника супружескаго щастія, какЪ можетЪ Король испытать сердце женщины, робѢющей или лукавой? —— ОнЪ, изключенный отЪ вольности обращенія —— Когда сія работа толь отяготительна и тѢмЪ, коимЪ равенство состоянія дозволяетЪ свободное обхожденіе.

Всего меньше удобно положиться ему на подлодушныхЪ людей, престолЪ его окружающихЪ, вЪ словахЪ коихЪ сЪединены рабство, лесть и обманЪ.

Сіи были мои разсужденія, они были мои печали: но случилось со мною, какЪ сЪ человѢкомЪ, стоящимЪ на краю глубокой пропасти, сЪ трепетомЪ озирающимся, доколь отЪ взора окружающей опасности нападенный обморокомЪ, опровергается онЪ вЪ бездну.

Нещастная необходимость войны принудила отца моего, свести сЪ престола данника своего Короля Котскаго, и посадить на мѢсто его Принца тогожЪ поколѢнія, оказавшаго ему нужныя услуги;

 но

(*) *Азіатцы утверждаютЪ, что соловей влюбленЪ вЪ розу.*

но Котеніанцы вскорѣ возмутились противу его, и онъ принужденъ былъ въ Туранъ уйти. Отецъ мой принялъ его, какъ Короля, и пролилъ рѣку щедротъ на главу его: но онъ не хотѣлъ защищать его противу народа, коего преступленіе состояло въ единой вѣрности къ природному своему Государю.

Недовольный Принцъ, оставилъ моей неискусной молодости, произведеніе сего неправеднаго дѣйствія; и разставилъ мнѣ сѣти, запутавшія меня въ таковыя безпокойства и отягощенія, кои чувствительному сердцу гораздо больше, нежели удары нещастія причинили.

Въ томъ какъ мысли мои гонялись по волнамъ нерѣшимости, въ разсужденіи прежде сказанной вещи, пригласилъ меня Принцъ сей къ великолѣпному пиру, учрежденному въ драгоцѣнныхъ полатахъ его, лежащихъ на берегу рѣки Геона.

Посреди радованія и торжества, когда обносимые кубки духъ мой порозгорячили и затьмили разумъ, палъ сей лукавый Принцъ предо мною на колѣна, и говорилъ:

Ты видишь, о великомочный Король, вѣрнаго раба у ногъ твоихъ, который наконецъ въ состояніи оказать

свою

свою благодарность за милости, оказанныя ему тобою и Королемъ родителемъ твоимъ. —— Я сберегъ драгоцѣнность неоцѣняемую, я готовъ вручить тебѣ оную, естьли удостоишь меня довести тебя къ мѣсту, гдѣ оная отъ всѣхъ взоровъ прилѣжно скрывается, и только твоимъ предоставлена.

Отмѣнное привѣтствіе побудило мое любопытство; я повелѣлъ стражѣ моей остаться въ столовой комнатѣ, и слѣдовалъ за Принцомъ въ веселую бесѣду, въ отдаленной части сада, Тамъ нашелъ я молодую дѣвицу, которыя красота всякое описаніе превосходила. Она сидѣла на зеленой сафѣ, изъ фиялокъ и гиацинтовъ составленной. но кроткой блескъ очей ея, живорасположенные локаны волосовъ ея затьмѣвали всѣ воспѣваемыя похвалы прелестямъ цвѣтовъ сихъ. Знатный тюлпанъ и гордая лилія уклоняли предъ ней главу свою, и равно какъ бы признавались, что цвѣтъ щекъ ея далеко возвышенъ надъ живыми ихъ красками; розы и жасмины обвиваясь кругомъ, казались быть въ спорѣ, котораго изъ нихъ запахъ и видъ ближе сходствуетъ съ благоухающими устами ея и бѣлѣйшею грудью.

При семъ неожидаемомъ восхитительномъ взорѣ, остановился я въ безмолвномъ изумленіи, поколь застыдившаяся дѣвица, искала божественное лице свое закрыть рукою, и Принцъ ей сказалъ:

Удержись, моя любезная дочь; взирай на любви достойнаго Монарха, коему посвятила ты склонность се́рдца твоего; можетъ удостоитъ онъ тебя милостиваго воззрѣнія; и ты, о Государь! пріими сію жертву. Жена конечно есть вещь драгоцѣннѣйшая, естьли нравъ ея украшенъ толикими добродѣтельми, коликими видъ сея прелестьми.

О! сей подарокъ конечно драгоцѣннѣйшій, и тысячекратно пріятнѣйшій, вскричалъ я. Не въ силахъ былъ я произвесть больше ни сло́ва; между тѣмъ схватилъ я упадшую на колѣна красавицу въ объятія мои. Изступительныя восхищенія и слѣпая любовь, были единое за тѣмъ послѣдство. Я не удержалъ никакъ нетерпѣливость моихъ желаній, и ужасался предать себя, хотя на мгновеніе мыслямъ, воображаемаго о благополучіи моемъ; свадебныя обряды начаты, и въ пьянствѣ моемъ достигли конца своего.

Когда

Когда послѣ восторговъ настали размышленія, то былъ я примѣчанія достойнымъ примѣромъ, коль скоро усыпляется разумъ не обыкновенными утѣхами; я не проклиналъ поспѣшный мой поступокъ, какъ ни противенъ оный былъ прежнимъ моимъ злоключеніямъ; я приписалъ оный неминуемой судьбѣ, и остался жребіемъ моимъ доволенъ.

Непремѣнились во мнѣ разсужденія таковыя, пока я по смерти стараго Везиря, отцемъ моимъ поставленнаго, возвелъ Нермана на его мѣсто. Надменъ мыслями оказанія родственникамъ и народу моему справедливости, спѣшилъ я къ Королевѣ, дабы толь дорогой общницѣ сердца моего сообщить мое удовольствіе; но какъ велико было мое изумленіе, когда она въ слезахъ, упрекала мнѣ за недостатокъ любви и почтенія, что я ее въ случаѣ семъ въ совѣтъ не призвалъ.

Хотя таковое дерзкое желаніе не меньше ужаснуло меня, какъ и оскорбляло, но успокоилъ я огорченіе ея, и разумъ мой подалъ опять случай стыдиться сего неразсуднаго сочетанія, въ которомъ я толь глупо предался искушенію чувствъ моихъ. Наконецъ просила она о

томъ, что уже давно было въ мысляхъ ея, чтобъ отдать мѣсто оное отцу ея, и невзирая на суровый мой отказъ, съ тѣхъ поръ не перестала безпокоить меня тѣмъ. Иногда ласкаетъ она себя дыханіемъ нѣжныхъ своихъ моленій охладить склонность мою къ правосудію, и потокомъ своихъ страстей поколебать мое постоянство.

Между тѣмъ извинялъ я всѣ таковыя разпространенія дѣтскою ея любовію къ родителю. Но сообразенъ ли съ тѣмъ порокъ, выдуманнаго къ подкрѣпленію ея несправедливости постыднаго оклеветанія, и когда она подданныхъ моихъ запутала въ сѣти своекорыстія?

Долго уже выдерживалъ я болѣзнь отъ жала мнимой пчелы, должно ли мнѣ представлять еще себя опасности, когда я открылъ, что угрызаетъ меня ядовитый скорпіонъ? Какъ могу я скрыть позоръ мой отъ стоглазной ненависти, примѣчающей всѣ дѣла мои; чѣмъ могу я обнадежиться въ молчаливости тѣхъ людей, кои доказали мнѣ, что злобный ковъ происходитъ отъ того вреднаго нрава, на который я по многимъ причинамъ имѣлъ подозрѣніе? Какъ могу я на-

наказать виновныхЪ? и ахЪ! какЪ можно мнѣ отЪ нихЪ разлучиться?

О СагебЪ! ты знаешь должности Короля и слабости человѣка; будь вѣрный совмѣстникЪ и сострадающій другЪ: раздѣли со мною бремя печали, подЪ коею зыблется мое постоянство, соедини не согласныя мысли мои, посреди которыхЪ разумЪ, не взирая на искренность намѣреній моихЪ, туда и сюда бродитЪ.

Да, дѣйствительно великій и добродѣтельный Король! сказалЪ я, ты можешь повелѣть ревностію раба твоего, и быть обнадеженЪ, что сердце твоего Сагеба понуряется твоею скорбію. Но что бы учинился я достойнымЪ полагаемой на меня довѣренности, дозволь мнѣ прежде поговорить сЪ строгостію, кою вы сами на себя обращаете.

Кто есть, устоявшій крѣпко на скользкомЪ пути, на коемЪ ты претерпѣлЪ паденіе? и гдѣ найдемЪ мы побѣжденнаго любовію, который бы всталЪ защищать дѣло справедливости? ВЪ слабости своей доказалЪ ты свою крѣпость; и ты будешь предметомЪ всеобщаго удивленія, естьли только поврежденныя глаза человѣковЪ. По обычаю не увеличатЪ проступокЪ, и не уменьшатЪ добродѣтель.

 Одна-

Однако тайности сего дня не ввѣримъ мы симъ правратнымъ судіямъ. Я уговорю обоихъ людей, могущихъ распространить первое дѣйствительное преступленіе Королевы, оставить Государство. Не умножай бѣдность состоянія твоего тѣмъ, что ты прекрасный цвѣтъ твоей нѣжной склонности толь поспѣшно сорвалъ. Садовникъ печется уничтожить червя, подгрызающаго корень прекраснаго растѣнія прежде, нежели срѣзываетъ оное совсѣмъ. Открытіе злаго предпріятія, исполняетъ стыда не вовсе поврежденное сердце; и раскаяніе есть битая дорога къ добродѣтели.

По меньшей мѣрѣ должно мнѣ испытать сперьва кроткое средство, тобою предлагаемое, отвѣчалъ онъ: ибо настоящій искусъ свидѣтельствуетъ мнѣ истинну словъ твоихъ, и я познаю, что о добротѣ землй можно заключить прежде по проницающей ея росѣ, чѣмъ по наводняющему ливному дождю.

Нѣсколько дней спустя послѣ сего разговора, Афросіабъ, получившій прежнюю свою ясность, повелѣлъ сдѣлать пріуготовленія къ празднеству Нуруца (*). Онъ

(*) *Нуруцъ день новаго года у Персіанъ. Они празднуютъ оный, когда солнце*

Онъ оказалъ мнѣ честь, наречь меня предводителемъ юношества, назначеннаго къ рыцарскимъ подвигамъ, и сдѣлалъ мнѣ Королевскій подарокъ, осаженныхъ дорогими камнями, платьемъ и окованнымъ золотомъ оружіемъ.

Пышность таковая была весьма по вкусу моего возраста, чтобы не восхищался я лестнымъ предпочтеніемъ и блестящими игрушками; но побѣда суетности моей была совершеннѣе, когда Королева по утру праздника, прислала мнѣ прекрасную Арабскую лошадь, на коей сѣдло и узда осыпаны были яхонтами и изумрудами неизмѣримой цѣны.

Невольникъ, вручившій мнѣ знатный сей подарокъ, сказалъ мнѣ на ухо, что сіе дань благодарности. Разумъ словъ сихъ былъ для меня не труденъ, и я оказалъ за то чувствительное признаніе. На лицѣ Морадовомъ оказалась улыбка о моей ребячей радости, но въ удовольствіи моемъ принималъ онъ искреннее участіе.

Когда напослѣдокъ я убрался великолѣпно, и готовъ былъ острогами нетерпѣли-

---

иступитъ въ овна. Гемшидъ четвертый Царь перваго поколѣнія, называемаго Пишдадіанскимъ, при вшедшіи солнечнаго года установилъ сей праздникъ.

пѣливости гнать коня моего, и на сей конецъ хотѣлъ уже схватить повода подареннаго убора, Фируцкай старый служитель Локмановъ, коего назиранію ввѣрилъ онъ мою молодость, удержалъ мою руку, и сказалъ:

Премудрый Локманъ повелѣваетъ тебѣ въ сіе мгновеніе оставить Королевство Туранское, и слѣдовать за мною. Нѣтъ тебѣ нужды безпокоиться о надобностяхъ, я имѣю для тебя пристойное платье, и коней быстрѣйшихъ вѣтра; ты вѣдаешь, что послушаніе не должно оглядываться.

Морадъ, слышавши сіе повелѣніе, и видя въ взглядахъ моихъ повиновеніе, вскричалъ:

Преизящный Локманъ безъ сомнѣнія не воздвигъ мечь разлуки между Сагеба и Морада!

Общество таковаго друга не можетъ быть воспрещено, отвѣчалъ Фируцкай, и пошелъ предъ нами. Мы слѣдовали за нимъ, и по слову его приказали невольникамъ нашимъ, кои между тѣмъ поудалились было, остановясь, дожидаться повелѣнія.

Потомъ оставили мы городъ Цаминъ, и достигли рѣки Геона, гдѣ вошли въ

готовое для насъ судно. Теперь, сказалъ Фируцкай, должно мнѣ возвратиться ко двору Афрасіаба; дождитесь меня на другой сторонѣ рѣки.

Должно признаться, что послушаніе мое не было безъ заслугъ; между тѣмъ лишеніе почести и удовольствъ, толико мнѣ нравящихся, и вкушеніе коихъ толь близко было, не оставляло сердцу моему болѣзненныхъ ощущеній, кромѣ кажущейся неблагодарности къ Афрасіабу.

Я не искалъ скрывать воздыханій моихъ предъ Морадомъ, и сей увѣщевалъ меня безпрестанно возлагать надежду мою на премудрость Локманову, по чему сѣтованія мои за его строгость обращятся въ благодарносшь и удивленіе.

Фируцкай возвратился съ нашими невольниками, расказалъ намъ, что узда и седло коня, подареннаго мнѣ Королевою, были толь тонкимъ образомъ напоены ядомъ, что каждый прикасающійся къ оному долженъ умереть на томъ же мѣстѣ.

Сіе было мщеніе, примолвилъ онъ, кое обратила она на тебя, за обнаруженіе намѣреній ея противу Везиря; сія была сказанная благодарность за совѣтъ,

по-

поданный тобою Королю. Провидѣніе попустило ковъ сей, какъ и часто исполняются случаи, въ коихъ злые сами падаютъ въ ровъ, ископанный ими для другихъ. Принцъ, братъ ея, единая надежда роду ихъ, и собственный ея идолъ, не вѣдалъ о зломъ намѣреніи сестры своей, не нашедъ тебя на назначенномъ мѣстѣ; сѣлъ на нещастнаго коня сего, и пріѣхалъ къ Королевѣ, чтобъ умереть въ глазахъ ея. Отчаяніе ея по открытіи сей ужасной тайны, избавило злополучнаго Короля страданія, изречь самому достойный ея приговоръ.

Позволено ли мнѣ, сказалъ я, возвратиться въ Туранъ, и излить балсамъ дружества въ уязленное сердце Афрасіаба?

Нѣтъ, отвѣтствовалъ Фируцкай, Афрасіабъ долженъ найти утѣшеніе въ крѣпости своего разума, и въ праведности заключенія небесъ, казнящихъ его за то, что искалъ онъ услажденія въ изступленіи страсти.

Что до тебя касается, то можешь ты, прежде возвращенія въ Йеменъ, осмотрѣть знатнѣйшіе города Парсистана, и продолжать навѣдыванія твои о Сафирѣ; я между тѣмъ возвращусь къ премудрому, донести, что я повелѣнія его исполнилъ.

Сло-

Слова Фируцкаго открывали мнѣ, что Локманъ оправдаетъ любовь мою къ Сафирѣ, и желаетъ предварить о скоромъ совершенiи моего благополучiя. Морадъ принялъ въ сей оживляющей надеждѣ участiе, для того невзирая на удовольствiя при дворѣ Туранскомъ, не забыли мы продолжать наши поиски о двухъ оныхъ странствующихъ красавицахъ

Мы возвратились опять въ Гератъ, узнать отъ Морадовыхъ невольниковъ, не открылиль они чего, по коему бы можно было намъ учредить путь нашъ. Мы услышали отъ нихъ, что Азаровъ замокъ обращенъ въ пепелъ, отъ идольскаго огня, который безпрестанно горѣлъ въ ономъ, и что съ того времени о Зороастрѣ, и о Азарѣ ничего не слышно.

Исправя все нужное для нашего пути, отправились мы въ Йеменъ. Шествуя по пространной пустынѣ Нубендиганской, раздѣляющей Хоразанъ отъ Парсистана, и къ которой толь много прекрасныхъ государствъ смежно, сбились мы не взначай съ дороги, и застигнуты ночью въ густомъ лѣсѣ. Мы заключили остановится на томъ мѣстѣ, и ждать поколь сiяющiй глазъ солнца раздѣлитъ страшный мракъ, ища прибѣжища нашего

подъ

подъ вѣтвіями древесъ, простирающихъ между неба и земли частый занавѣсъ.

Невольники наши, утомленные отягощеніями дня, положились на насъ, въ разсужденіи попеченія о утреннемъ днѣ, разослали ковры, и легли спать.

Разумъ нудилъ насъ быть осторожными, что бы не напалъ на насъ какой лютой звѣрь, нашедъ занято логовище свое, въ случаѣ нашей безопасности; долго противились мы власти сна, но тишина ночи, прерываемая только слабымъ шумомъ колеблющихся листовъ, и холодъ зори распространилъ не преодолимую усталость въ наши члены, и затворилъ наши глаза.

Морадъ вкушалъ не возмущаемое упокоеніе, напротивъ мысли мои возбудили во мнѣ чрезъ страхъ и надежду любви безобразныя мечты безпокойныхъ сновидѣній, и воззвали чувства мои болѣзненнымъ образомъ къ обыкновеннымъ исправленіямъ. Разсвѣтъ, блиснувшій мнѣ сквозь сводъ листовъ, открылъ, что уже утро распространило лучи свои по голубому своду неба. Я всталъ испытать, не могу ли я отыскать потерянной дороги; бродя таковымъ образомъ по сторонамъ, вдругъ увидѣлъ я женщину, поспѣшно идущую

частымъ

частымъ кустарникомъ и ко мнѣ прибли жающуюся. Я пошелъ къ ней встрѣчу; но о!... могу ли я изречь восхищенія сердца моего, когда я увидѣлъ Сафиру, мною вѣчно любимую, безпрестанно оплакиваемую Сафиру, коя безъ завистнаго облака покрывала, явилась мнѣ свѣтлѣе утренней звѣзды.

Она казалась нашимъ нечаяннымъ соединеніемъ быть равномѣрно восхищена; но какъ я приближился къ ней съ распростертыми руками, удержала она восторгъ любви и радости моей, кроткимъ и смущеннымъ, но притомъ радостнымъ взоромъ, и дала мнѣ знакъ въ молчаніи за нею слѣдовать. Какъ я спѣшилъ на крылахъ желанія легкимъ стопамъ ея, то вскорѣ достигли мы малаго возвышенія, окружаемаго въ полмѣсяцомъ высокимъ и густымъ лѣсомъ; посрединѣ онаго стояла большая палатка, накрытая къ спокойности въ три ряда сплетенными густыми вѣтвіями, нагнутыхъ древесъ.

Царица красоты сѣла на бархатныя подушки, а я палъ къ ней въ ноги и вопіялъ.

Скажи, скажи мнѣ, о божество сердца моего! не долженъ ли я на благополучіе сіе взирать, яко на жителя небес-

 наго,

наго, низпосланнаго ко мнѣ милостію духа хранителя лѣсосъ сихъ; ибо трепетъ, лишиться восхитительнаго явленія сего; терзаетъ біющееся мое сердце. Отверзи любовію дышущія уста, и обнадежь меня, что ты дѣйствительно моя Сафира,

Да, любезный Сагебъ, отвѣчала она, я вѣчно твоя, я нещастная дѣвица, кою спасъ ты отъ безвременной смерти, и коей безпомощную невинность пришелъ ты защитить въ надлежащее время. Но какъ могу я жаловаться на судьбу мою, когда я съ возлюбленнымъ моимъ не разлучно опять соединена? ибо безсомнѣнія то премудрый Локманъ, на правилъ сѣлзы твои во внутреннее обитаніе мрачной тѣни. Ахъ! подтверди надежды мои, скажи, угодна ли ему любовь наша, и не отвергаетъ ли онъ дочь обманутаго человѣка, скончавшаго рядъ свѣтлыхъ дней въ страшной ночи заблужденія.

Во время, когда Сафира сіе говорила, осыпалъ я безчисленными поцѣлуями поданную мнѣ руку; сладкое изступленіе привело меня самому себѣ въ забытіе, и я не помышлялъ о томъ, колъ бездѣйственно былъ языкъ мой; но возвелъ глаза мои на зарумянившееся лицѣ ея, и ви-

видя печаль въ очахъ ея, остановилъ я съ вздохомъ упояющія меня лобзанія, сѣлъ близъ ее, и сказалъ:

Прости мнѣ, прекрасная Лилія непороченной чистоты! не сомнѣвайся, что Локманъ мою совершенную любовь увѣнчаетъ твоими небесными прелестьми. Его не видимое покровительство привело меня къ тебѣ, ты найдешь въ немъ втораго отца.

Случившееся со мною со дня моей съ тобою разлуки, до сего мгновенія, моя восхищенная мысль теперь припомнить не можетъ, и по тому поспѣши ты мнѣ дать знать, какимъ чуднымъ случаемъ нахожу я тебя въ семъ дикомъ мѣстѣ, и остаются ли еще трудности къ превозможенію, прежде овладѣнія возвращеннаго моего сокровища.

Я не стану припоминать, многократные удары жестокихъ горестей, претерпѣнныхъ мною въ замкѣ Азаровомъ, начала Сафира. Твое сожалительное сердце, безъ сомнѣнія доставило тебѣ печальное о томъ извѣстіе; чтожъ лежитъ до плачевнаго игрища, приготовленнаго тебѣ Зороастромъ на случай, естьли твоя добродѣтель выдержитъ предлагаемое искушеніе, то небо было для

меня толь милостиво, что пощадило меня страха оное видѣть, для того въ мгновеніе, какъ бросился ты на враговъ своихъ, потеряла я употребленіе чувствъ.

Любви достойная Тульруца, которыя дружеское попеченіе возвратило мнѣ жизнь, расказала мнѣ о ужасной смерти, отъ коей она тебя и Морада избавила. Она увѣдомила меня, какъ Зороастръ употребилъ машину, сдѣланную первыми владѣльцами за́мка, чтобы въ случаѣ надобности нечаянно изчезать, и какъ одинъ изъ повѣренныхъ его вскрылъ потолокъ зала, зажегъ составъ изъ сѣры и другихъ веществъ, и чрезъ то наполнилъ комнату густымъ дымомъ.

Ненависть моя къ измѣнникамъ увеличиваться уже не могла, но и презрѣніе мое было такъ же велико. Въ каковыхъ мыслей разположеніяхъ, кои склонностію моею къ тебѣ еще умножались, приняла я съ радостію предложеніе Тульруцы, оставить въ ту минуту за́мокъ, и положиться на защищеніе, кое могла она мнѣ подать, возложа на себя по прежнему мужеское платье. Вмѣсто сомнѣнія въ ея чистосердечіи, вливало въ меня прежнее поведеніе ея больше довѣренности, ибо вспыльчивый нравъ, рѣдко доз-

воляетъ мѣсто холодному виду при обманѣ. Повиновеніе къ родителю моему могло бы быть единымъ въ томъ преткновеніемъ; но родительская власть не освобождаетъ насъ отъ преступленій противу неба; слѣдственно не простирается до принужденія воономъ.

Во время, какъ Зороастръ и Азаръ помышляли о прешедшемъ явленіи, и распологались къ новому, помогалъ намъ служитель, который при освобожденіи тебя замѣтилъ Гульруцины движенія, такъ же и къ бѣгству, и мы тѣмъ больше могли положиться на ревность его и признаніе, что Гульруца избавила семейство его отъ упадка.

Онъ привелъ насъ къ нѣкоему родственнику своему, отличившемуся въ послѣднею войну, и бывшему уже̏ начальникомъ крѣпкаго за́мка; сей разумно совѣтовалъ намъ не оставлять Хоразана, поколь остынетъ злоба враговъ нашихъ, чрезъ тщетные поиски.

Сочтя опасность миновавшею, собрались мы исполнить намѣреніе наше, шествовать въ Іеменъ, и просить Локманова покровительства. Гульруца накупила невольниковъ для препровожденія и защиты въ толь длинномъ пути; щастли-

вое помышленіе о окончаніи онаго исполняла сердца наши бодрствіемЪ и надеждою; понеже, кромѣ спокойства, каждымЪ вЪ палатахЪ премудраго вкушаемаго, уповали мы получить тамЪ извѣстіе о тебѣ и Морадѣ.

Едва вступили мы вЪ сію пустыню, напалЪ на насЪ АзарЪ сЪ толпою невольниковЪ своихЪ, и АрдеваномЪ подлѣйшимЪ человѣкомЪ и наперстникомЪ Зороастровымъ.

АзарЪ кричалЪ сестрѣ своей о сдачѣ, но она отвѣтствовала великодушно:

СЪ охотою послушалась бы я повелѣнія твоего, естьли бы оное до меня одной касалось, не для того, что требованіе твое было оправдаемо, но что могла бы я пощадить жизнь твою: долженствуя же защищать безпомощную невинность, отваживаю я и мою жизнь вЪ ея оборону.

Дѣйствія Гульруцы соглашались сЪ словами ея. Она сражалась сЪ храбростію, которой непріятели наши, невзирая на превосходное число свое, сЪ трудомЪ могли противустать; а я между тѣмЪ, удалясь нѣсколько, сѣла на пескѣ, удивляясь и трепеща ея отважности.

Хотя

Хотя Азаръ великое имѣлъ желаніе овладѣть нами, но щадилъ сестру свою, и обращалъ разсѣкающее остріе сабли своей на нашихъ невольниковъ; но нещастнымъ случаемъ промахнулъ онъ ударъ, и ранилъ ее.

Лишь увидѣлъ онъ дражайшую кровь краснымъ ручьемъліющуюся, повелѣлъ онъ съ взорами полнаго замѣшательства невольникамъ своимъ удержаться, и удалился поспѣшно провождаемый подлымъ Ардеваномъ.

Напрасно умоляла я Гульруцу возвратиться въ ближній городъ; она толь пеклася о мнѣ, что едва допустила завязать рану свою моимъ покрываломъ, и одинъ изъ раненыхъ невольникъ отца моего, умножилъ страхъ ея еще больше.

Онъ разсказалъ намъ о нещастномъ случаѣ, обратившемъ въ пепелъ Азаровъ замокъ, и принудившемъ Зороастра во избѣжаніе ярости народа, удалиться отъ Хорозани. Онъ прибавилъ къ тому, что Ардеванъ насъ примѣтилъ, и Зороастръ поручилъ ему съ Азаромъ поимать насъ, ибо самъ считалъ противно занятому званію своему, гнаться за двумя женщинами.

Гдѣжъ отецъ мой? вскричала я!

Гдѣ и я скоро буду, отвѣтствовалъ невольникъ, и прошу небо, чтобъ не позналъ я, что мы коварною измѣною обмануты; ибо сію страшную неизвѣстность примѣчалъ я въ боязненныхъ взорахъ господина моего, когда вчерась Зороастръ закрылъ очи его, и въ послѣдния пожелалъ ему вѣчнаго покоя; который, о горе! также ненадеженъ.

Я словами сими поражена была какъ громомъ; Гульруца повелѣла вѣрному служителю, котораго небо по сожалѣнію къ намъ удержало въ живыхъ, посадить меня къ себѣ на лошадь и за ней послѣдовать. Она вела насъ непроходимѣйшими мѣстами сей пустыни, во избѣжаніе новаго нападенія; ибо отъ множества нашихъ невольниковъ осталось только двое, прочіежъ были побиты или бѣжали съ верблюдами.

Мы находились въ плачевномъ состояніи, и Гульруца начала уже терять силы, какъ нашли мы сіе убѣжище: спокойности онаго и съѣстные припасы въ немъ нейденные, доказывали, что оное не задолго предъ тѣмъ было обитаемо.

Должность моя къ другу моему, привела меня въ себя, но нѣжныя мои старанія не успѣвали. Рана ея показала

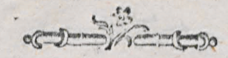
огор-

огорченному взору моему синеватый огнь: жестокая лихорадка возпалила кровь ея; и всѣ признаки скораго конца ея открылись пораженному моему духу.

Я повелѣла вѣрному нашему служителю итти искать въ ближнихъ хижинахъ искуснаго врага. Но хотя онъ вчерась еще пошелъ, но не успокоилъ скорби моей прибавляющеюся опасностію Гульруцы. Вставши очень рано, я не помышляя о собственной безопасности, бѣгала я по лѣсу, равно какъ бы острога нетерпеливости могла ускорить желаемымъ мгновеніемъ.

Увидѣвъ тебя издали, не сумнѣвалась я, чтобъ не былъ ты, коего прибытія я толь ревностно желала, и ахъ! сколь много я сверьхъ ожиданія моего обрадована, свидѣтельсшвуетъ то восхищеніе мое при нашей не ожидаемой встрѣчѣ.

Однако жъ въ самое мгновеніе сіе, восторгъ любви не изгоняетъ страхъ и печаль изъ сердца моего для того; что слышала я топотъ конскій и голоса людей, по чему и опасаюсь прибытія непріятелей. Увы! когда лишь вспомню Гульруцу великодушную, для меня умирающую Гульруцу, какъ можно истре-

бить образъ таковой изъ благодарной души?

Сказавъ сіе, живѣйшія слѣзы чувствительности оросили лицѐ ея; тако орошаетъ чистѣйшая роса въ ясное утро, украшенную живыми цвѣтами розу; тщетно желало пожигающее солнце любви моей привлечь къ себѣ сіи драгоцѣнныя капли, облако почтенія препятствовало мнѣ въ томъ.

Невольница, служащая Гульруцѣ, сказала намъ, что мастичныя крыла сна простерты еще надъ сею истлѣвающею красотою. И такъ остались мы еще нѣсколько быстрыхъ часовъ въ общемъ жилищѣ взаимно привлекающихся душъ; но вскорѣ увѣдалъ я, что, когда мы въ мгновеніе услаждающаго благополучія жалуемся на время, что оно скоро убѣгаетъ, часто выходитъ, что оно довольно достаточно было, возградить мрачное строеніе нещастія.

Не успѣлъ я войти въ безмолвную и пѣчальную полатку, гдѣ лежала распростерта Гульруца на постелѣ, составленной изъ добычи дикихъ звѣрей, какъ уязвленная дѣвица, старалась произвесть слабымъ голосомъ слѣдующее.

Под-

Подступи ближе, любезный Сагебъ, и прїими Сафиру твою отъ руки тоя, коей нервы трепещутъ приначинающейся смерти; но коя довольно имѣла силъ, сдержать слово свое, и сохранить тебѣ твою возлюбленную. Награди мое дружество, и выполненїе моей должности, извѣстїемъ, что Морадъ благополученъ, ибо ты конечно не оставилъ его въ нещастномъ или безъ извѣстномъ состоянїи.

Слова сїи повергли меня въ замѣшательство, которое еще умножилось, когда Гульруца, на увѣдомленїе данное мною ей о времени и мѣстѣ, гдѣ оставилъ я Морада, вскричала:

О ты сильная власть любви! когда твердый дубъ премудрости колеблется отъ крѣпкаго дыхновенїя твоего, удивительноль, что слабая трость отъ онаго ломается; однакожъ дружеству нѣтъ на тебя недостатка въ оружїи. Засвидѣтельствуетъ то великодушный мужъ, оставленный другомъ въ опасности, который побѣдилъ ея приманчивости.

Да, Сагебъ, продолжала она нѣсколько спокойнѣе, позволенное восхищенїе любви, при найденїи преизящной Сафиры, не оправдаетъ тебя, что ты на столько часовъ не благодарно забылъ о своемъ дру-

другѣ. Помысли только о мучительныхъ заботахъ, кои Морадъ для тебя терпитъ, и заключай самъ.

Что можетъ добронравный умъ возразить противу приличнаго укоренія? . . . Я молчалъ . . . . оставилъ въ тужъ минуту шатеръ, и едва задержанъ былъ Сафирою, коя принудила меня взять Тульруцину саблю, ибо оставилъ я свою вставая тихо отъ спящаго Морада.

Вичь раскаянія гналъ меня къ заслуженному наказанію, которое меня ожидало.

Приближась къ нещастному оставленному мною по утру мѣсту, кликалъ я громко Морада, но боязненное молчаніе господствовало окрестъ меня, и умножало ужасающее сомнѣніе, по коль обратилось оное въ страшную подлинность.

Тѣла невольниковъ нашихъ и другихъ не знакомыхъ людей, покрывали не приязненный полъ, котораго сухій песокъ омоченъ былъ кровію. При семъ страшномъ взорѣ распространило мрачное отчаяніе новую тѣнь темноты въ глазахъ моихъ; нѣсколько стоялъ ян едвижимъ, на конецъ палъ съ боку одного нашего невольника, котораго сильный стонъ возбудилъ мои чувства, сей схватилъ мою руку и прерывающимся голосомъ сказалъ;

О Государь! откуду пришелъ ты . . . . бѣги, освободить твоего друга . . . . мы сражались съ безбожнымъ Зороастромъ . . . . Азаръ . . . . Морадъ раненъ . . . . и . . . . увезенъ . . . -

Произнеся сіи преломленныя слова, онъ скончался. Я благословилъ разлучившуюся душу его за сіе извѣстіе, ибо оное утѣшило меня, что Морадъ еще живъ; я могъ его избавить или вмѣстѣ умереть.

Хотя пропасть бѣдствія, взирающимъ во оную съ края ея, ужасно крута кажется, но постепенно можно сойти во оную, и оныя суть толикожъ отдыхновенія нещастнымъ, имѣющимъ необходимость быть на днѣ провала.

И такъ вдохнулъ я нѣкую надежду, поколь не опровергся въ превозмогшую бѣдность. Я оставилъ звѣрямъ дикимъ ужасную жертву, коею снабдила ихъ толь избыточно лютость человѣческая. Я слѣдовалъ кровавыми слѣдами до наступленія ночи, поколь потерялъ я сего плачевнаго проводника изъ взоровъ, и коего потомъ найти не могъ; когда по принужденной и безпокойной недѣйствительности при началѣ дня вступилъ въ мой поискъ.

Солнце склонялось уже къ западу, какъ я отъ таковой продолжительной неописанной грусти, и великаго отягощенія ослабѣвъ, ощутилъ себя не подалеку отъ шатра Сафирина.

Въ пораженіи моемъ не примѣтилъ я, что запутанныя кривизны лѣса обманули меня и привели назадъ тою же дорогою; но по склонности человѣческаго ума, каждый нечаянный случай по желаніямъ своимъ толкующій, взиралъ я на приключеніе сіе, яко на особливое наклоненіе провидѣнія, что можетъ по смерти Гульруцы, Сафирѣ помощь моя болѣе нужна, чѣмъ Мораду, коего слѣды утратилъ и таковымъ нещастнымъ образомъ.

Помышленіе сіе оживило мои силы, я спѣшилъ въ шатеръ, но можно ли описать трепетъ, объяшій седрце мое, когда примѣтилъ приломанный кустарникъ и на недавно цвѣтшемъ мѣстѣ слѣды конскихъ ногъ.

Дрожащими шагами вшелъ я во внутренность шатра, но вмѣсто Гульруцы и Сафиры, нашелъ я только части ихъ одеждъ, разбросанныя по землѣ.

Душа моя омертвѣла при воображеніи страданія ихъ ожидающаго; и тѣло

мое

мое казалось на вѣки соединяющимся къ начальному существу своему землѣ. —— ——

Сагебъ остановился на семъ мѣстѣ своего повѣствованія, какъ человѣкъ послѣ тяжкой работы пріемлющій отдыххновеніе, и Церирь выразилъ движенія воего состраданія повторенными вздохами.

Въ то мгновеніе возвѣстили о присланномъ отъ прамудраго, который и введенъ по Сагебову повелѣнію. Цераровы щеки воспылали гнѣвомъ при взглядѣ на него, онъ вскричалъ:

Ты безстыдный невольникъ, который въ палатахъ Локмановыхъ смѣялся моей печали, и за которымъ погоня подвергла меня и брата моего въ опасность жизни?

Такъ Царевичь, я, отвѣтствовалъ невольникъ, въ коего лице нарушилъ ты законы страннопріимства: но какъ теперь ужѐ я не буду принуждаемъ ко удовольствованію твоихъ дерзкихъ вопросовъ, то скажу тебѣ, что ты за честь свою и труды очень скоро найдешь Принцессу Перизаду.

Чего хочетъ сей мальчишка? . . . . Вскричалъ Церирь, но больше ничего не вымолвилъ. Взглядъ Сагебовъ наложилъ на него молчаніе, и онъ удалился въ свою комнату.

Такъ

Такъ можетъ не спокойный нравъ обузданъ быть силою примѣровъ: но тотъ, который сообщаетъ наставленіе, долженъ какъ Сагебъ быть чувствовавшимъ сильнѣйшія вліянія стрестей, дабы тѣмъ возвысить цѣну добродѣтели, ибо хладное начертаніе не испытанныхъ опасностай, не можетъ возбудить разума въ сердцахъ на разсудительной юности.

Конецъ перпой части.

